

АНДРЕЙ ПОЛЯКОВ

МОСКВА И МЕРТВЫЧИ

ОТ ПОБЕДИТЕЛЯ ПРЕМИИ ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

”
ПУТАЮЩЕ, СОВРЕМЕННО
ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ
И ИЗОБРЕТАТЕЛЬНО.

ДЕНИС ЛУКЬЯНОВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Андрей Поляков

Москва и мертвичи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69828931

SelfPub; 2023

Аннотация

Столкнувшись с загадочным убийством малоизвестного писателя, следователь Агафья Игнатова открывает для себя изнанку Москвы. Что такое Черный Кремль, кто такие «гастролеры» и какая древняя опасность нависла над столицей? В поисках ответов ей с напарником Дмитрием Барченко придется познать мегаполис во всем его ужасе и великолепии. Во втором романе победитель премии «Электронная буква 2022» помещает древнерусский фольклор в декорации современной Москвы и щедро посыпает все городскими новостями, историческими фактами, культурными отсылками, юмором и теориями заговора, так, что в конце концов становится непонятно, где правда, а где вымысел. Это текст о столице без прикрас.

Содержание

Пролог	6
Часть I. Прозрение	9
Глава I. Что такое МПД?	9
Глава II. Архивы	49
Реминисценция. Огонь	81
Глава III. ФГУП Хогвартс	85
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Андрей Поляков

Москва и мертвичи

В «Москве и мертвичах» фантастическое отчасти иронично вплетено в реалии Москвы 2023 года. Роман пропитан духом и ритмом нынешней эпохи: и сюжетно, и на уровне деталей, и стилистически. Андрей Поляков проведет читателя по всей Москве, от «А» до «Я»: гости столицы углядят в этом путеводителе, москвичи узнают легкую улыбку на лице родного города, а мертвичи, возможно, удивятся интерпретации важных исторических событий. Как все было на самом деле, при чем тут московский пожар и Черный Кремль? Герои Андрея Полякова знают шокирующие ответы.

Денис Лукьянов, писатель, книжный обозреватель журнала «Юность», контент-менеджер ГК «ЛитРес»

Приготовьтесь: эта история обжигает, как горячий пар в бане. Держите книгу крепче, а если читаете её в метро, лучше не поднимайте глаза на сидящих напротив. Увлекательный роман, который определенно пощекочет вам нервишки!

Телеграм-канал «Книжный Лис»

Сотням километров московских улочек, что я истоптал, и Полине – за невероятную любовь к городу и знание его мельчайших деталей.

Москва вводится в план. Но чтобы создать новую Москву на месте старой, почти тысячу лет строившейся кусочками, где какой удобен для строителя, нужны особые, невиданные доселе силы...

Владимир Гиляровский. Москва и москвичи

Пролог

Я – это город.

Город – это я.

Поутру мое сердце, центр с его Бульварным и Садовым кольцами, сокращается, вбирая миллионы офисных работников, мигрантов и транзитных пассажиров, а потом расширяется, выстреливая их всех ближе к вечеру в поезда дальнего следования или спальные новостройки.

Человеческая масса, моя кровь, несется и пульсирует по проспектам-артериям и улочкам-сосудам, поддерживая жизнь в моем тысячелетнем теле. Иногда она забивает площади и образуются тромбы, тогда приходят другие люди, и кровь несется дальше.

Одни сосуды отмирают, другие проделывают себе путь в моем мясе городской застройки. Потоки крови снесли Сухареву башню, чьи фундаменты ждут своего часа под асфальтом, совсем покинули улочки Зарядья, ныне едва узнаваемые в контурах парка, и истощились в переулках за стеной Администрации президента у Китай-города.

Легкие, мои огромные леса и парки с деревьями, что достигают десятков метров в высоту, дают приют миллионам птиц и уставших горожан и не позволяют этому городу-курильщику окончательно задохнуться. А где-то в их зеленых глубинах кроется многолетняя инфекция – не значащиеся на

картах захоронения наполеоновских солдат в Филях, незадокументированные радиоактивные свалки или стоящие посреди леса вентшахты правительственных линий метро у парка Победы.

Мозг? Я и сам не понимаю, где он. Скорее, где-то на юго-западе. Он и не особо нужен. В основном я сладко дремлю, подсматривая за всем одним полуприкрытым глазком, и расту, изредка беспокоимый наводнениями, пожарами или войнами. Что бы ни происходило – крови становится только больше и несется она все быстрее с каждым годом.

Иногда я созерцаю себя. Проношусь с утра легким могильным ветерком по подземельям Кремля, циркулирую августовской жарой по Кольцевой ветке метро, обрушиваюсь ливнем на особняки и заброшенные стройплощадки Хохловки, чьи переулки так свежо пахнут летом зеленью и хранят тайны за помутневшими окнами расселяемых коммуналок. Рыжим котом забираюсь на чердак дореволюционной постройки в Кадашах, где собирается секретное общество, затем скребу опавшей листвой по замурованным дверям без ручек в зданиях с фальшфасадами на Третьяковке. Я вею сквозняком через разошедшуюся деревянную раму господчи, там еще живет статусная старушка с самоваром на комодке с белой тканой салфеткой. Взмываю и парю над Некрасовкой с ее молодой кровью, теку по кирпичному коллектору Неглинкой, вспоминая былую мощь, любопытным бездельником проскальзываю через закрывающиеся ворота в ста-

линские дворы и смотрю на кованые калитки без табличек и звонков.

И тогда, на мгновение, я вспоминаю кто я на самом деле.

Часть I. Прозрение

Глава I. Что такое МПД?

Агафья увернулась от очередной залетающей в переулок полицейской машины с включенными мигалками, прикурила красные «Мальборо» и продолжила разглядывать резную, с завитушками вывеску «Лавка Сандуновъ». Сегодня погода выдалась скверной, несмотря на лето, было что-то около десяти тепла, ветер рвал зонтики и верхушки деревьев, а с неба мерзко покапывало, поэтому приходилось то и дело убирать смокшуюся вороную челку с глаз. Очередная капля потушила сигарету, Агафья чертыхнулась и бросила ее под ноги, достала новую.

Сколько в Москве жила, ни разу сюда ноги не заносили. Известное место, исторические бани, действующие с 1808 года (как сказал «Яндекс»), пережившие Наполеона, декабристов, две революции, Первую и Вторую мировую, перестройку, девяностые и нулевые. Особенно нулевые, когда разгулялись аппетиты у бандитов и застройщиков.

Сюда ходили все: ее коллеги, старые, казалось, дореволюционные, деды, легализовавшаяся мафия и неотличимые от них чиновники, олигархи, поп-звезды, иностранцы, обычные горожане – и мужчины, и женщины – и их дети. Даже

герои «Иронии судьбы» (фильм она терпеть не могла) тут были. Народные бани, где все были равны и где даже в девяностые, казалось, поддерживалось перемирие и не случилось ни одной громкой криминальной расправы, хотя захаживать сюда полюбили малиновые пиджаки. И теперь «зверское», как скоро напишут газетчики, убийство в центре столицы. «Что, Игнатова, слишком спокойный выдался последний год? Ну вот теперь будет экшен».

– Что, Игнатова, слишком спокойный был годик? Ну вот теперь попрыгаем, – продублировал ее мысль подкравшийся Хакимов.

– Марат, я тебе обещала, что когда-нибудь сломаю ноги за твои подкрадывания? – поинтересовалась она не оборачиваясь.

– Обещала, обещала, но ты ж меня любишь. Пошли?

– Сейчас, дай докурю. Внутри был?

– Был.

– Жесть, как описывали?

– Я такого не видел раньше. Просто пиздец.

– Молодой ты еще. Веди.

– Соседний переулочек. Ты как не москвичка.

* * *

– Да... пиздец.

Старший следователь по особо важным делам Игнатова

А. Л. повидала немало убийств и расправ за свою двенадцатилетнюю карьеру, но это было за гранью.

– Вариант, что он так сам перепарился, исключен? – спросила она, скорее, для собственного успокоения, у старающегося не блевануть управляющего.

– Да какое перепарился? Вы ж сами-то все видите. Как такое с самим собой-то можно сотворить? Ну если б он устроил перегрев и сердечко бы не выдержало, то он бы потерял сознание и сварился тут, как рак. А вы ж видите все. Его до смерти забили, почти кожу сняли.

– А ваши люди где были?

– Ну, они заходят проверять раз в пятнадцать-двадцать минут. Он тут один сидел, по словам банщика, похлестать не просил, температура слабенькая была.

– Хорошо, идите. Банщика допросили? – кинула она Хакимову, не отрываясь со странным восхищением от изучения жуткой сцены.

На банной лавке лежало месиво, когда-то бывшее Аркадием Водолазовым, немолодым преподавателем истории и почти неизвестным писателем. Как-то специально опознавать его не понадобилось – он был постоянным клиентом с абонементом. Труп лежал на массивном животе, вокруг, на расстоянии нескольких метров, все было забрызгано ошметками кожи, каплями поджарившейся крови и тысячами обрывков засохших листьев, тоже раскрашенных красным. Запотевшие раздавленные очки валялись под лавкой, а рядом с

ногами примостилась кадка, в которую кинули пять стесанных до самых ветвей дорогих сандуновских веников. Там же лежал пакет с раздавленными чипсами. Кто вообще жрет в бане?

– Допросили. Алиби, его видели пять разных сотрудников и посетителей, когда это происходило. Он говорит, что ничего не слышал. Вообще никто ничего такого не слышал. В тот вечер было мало народу, но люди были, сидели с пивком и воблой неподалеку. Он говорит, что невозможно сделать с человеком такое за двадцать минут, даже если бы его впятером одновременно дубасили.

– Кто-то заходил-выходил?

– Нет, на входе по камерам проверили, а так тут один коридор, который ведет мимо сидевших с пивом граждан. Они бы заметили кого-то. Никто к нему не заходил.

– Ну и как это понимать? Тут что, секретный ход? Что за гребаная «Собака Баскервилей»?

Хакимов пожал плечами.

– Игнатова, пошли уж? Сколько можно на это смотреть? Судмедэксперты разберутся, сам он себя или в несколько рук его упарили.

Она вышла из парилки и вдохнула приятной прохлады, царившей в зале «высшего мужского разряда» с бассейном.

«Сандуны» поражали своим убранством, напоминая богатую дворянскую усадьбу дореволюционной поры. Колонны из желтого мрамора, уходящие в лазурные своды с золоты-

ми барельефами, античные статуи и вазы, люстры высотой с потолок средней современной квартиры, изразцовые печи с резными сфинксами, канделябры и вычурные деревянные балконы с расписными потолками. Все это благолепие подчеркивало, что посетитель ступил в храм чистоты. И вот кто-то этот храм осквернил, а ей свезло искать богохульника.

– Надо поговорить с управляющим про ходы и раздобыть планы здания, – решила Агафья.

Они нашли все еще зеленого менеджера на одном из диванов.

– У вас есть планы здания?

– Есть. Зачем вам?

– «Пеструю ленту» смотрели?

– Что?

Изучение пожелтевших схем не дало никаких результатов. Комплекс зданий за его долгую историю неоднократно перестраивали, но никаких секретных ходов, лазов и застенных тоннелей с вентиляционными шахтами обнаружено не было. Да и стал бы их кто наносить на схему? Детальный осмотр места преступления, а Игнатова не сомневалась, что они имеют дело с убийством, тоже не принес плодов. Все было тщательно рассмотрено, простукано, исследовано на предмет тайных нажимных панелей или кнопок, но парилка с ее современной отделкой почти не оставляла шансов обнаружить какой-нибудь поворачивающийся камин или люк в полу. Это не Бейкер-стрит, а Хакимов не Ватсон. Блядство.

Несмотря на продолжительную работу в комитете, походы к судмедэкспертам в их холодные могильные чертоги оттягивала до последнего. Вот и сегодня, перед тем как заявиться к Сидельникову по поводу Водолазова, она некоторое время попрокрастинировала на уличной лавке, куря одну за одной и размышляя над доставшимся делом. «Зверское убийство в центре столицы» – вчера в Телеграм-каналы уже утекли фото из парилки (оторвать бы яйца этому сливающему), а сегодня об этом писал «Московский комсомолец». Ничего не сходялось.

Убийцы (убийц?) нет. Никто ничего не видел. Как зашел, как вышел, неясно, камеры и посетители ничего не зафиксировали. Сам убийца либо не из криминального мира, либо совсем отмороженный, ведь в банях всегда была нейтральная территория, а все разборки происходили за ее стенами. Ни одного свидетеля, у всех находившихся в «Сандунах» крепкое алиби. Чужих отпечатков на вениках миллион – баня-то общественная, толку от мешанины из тысяч пальцев – ноль. Убитый – какая-то мелкая сошка, непонятно кому нужный тихий интеллигент, судя по тому, что она успела прочитать в паре статей и его аккаунте в запрещенной соц-сети.

А убийство громкое, явно показательное. Бизнес-разбор-

ки? Отвадить от бань посетителей и ударить по владельцам рублем? Но зачем тогда такая изощренная жестокость? Послать одним только владельцам понятный сигнал? Зачем на глазах у всех? «Надо будет с хозяевами переговорить», – поставила себе галочку Игнатова. Она нехотя поднялась и отправилась к Сидельникову.

Классический Слава и его владения. Сидит жрет фастфуд, а за стенкой трупы. Майка с патлатыми мужиками, из огромных наушников, делающих его похожим на Чебурашку, орет что-то, с трудом напоминающее музыку. И запах этот неживой и мерзкий, и бьющий по глазам свет, и стены с кондовой зеленой краской. Она тронула судмедэксперта за плечо.

– Нэнси Дрю! С новым таинственным делом! – ослабил-ся небритый эскулап.

– Скучала по этому месту (нет).

Он подвинул Игнатовой грязную тарелку с сушками. Та поморщилась и мотнула головой.

– Агафья, почему не навещаешь старого друга? Только на трупы приходишь посмотреть.

– Агата. Я просила называть меня Агата. Ты хоть из подвала своего вылезай иногда. Там, наверху, знаешь, солнышко, люди ходят, пообедать приходи хоть раз в столовую, – она повышала голос, зная, что Слава немного глуховат от постоянно орущего в ушах говнорока.

– Люди там суетные. А тут тихие и спокойные, – ответил он без тени иронии.

– Короче, рада тебя видеть, но давай побыстрее с этим разберемся.

– А это будет очень быстро, дорогая. И ни хрена непонятно.

Он выкатил тело из хромированного бокса и скинул простыню. Замороженное месиво выглядело еще более отвратительно, чем разогретое. Слава картинно обвел рукой тело и поклонился.

– Первое: не мог он сам с собой этого сделать, ну ты это и сама понимаешь. Он бы в какой-то момент отключился от боли и потери крови, а тут его и после потери сознания продолжали хлестать до смерти. Второе: чтобы так забить человека, нужно его либо чем-то накачать, чтобы он не двигался, либо связать, либо держать за руки-ноги. Иначе будет вырываться, убегать, и характер следов ударов на это бы указывал.

– И?

– И ничего. Веществ никаких не обнаружено. Следов от веревок, наручников, рук, отпечатков – ничего нет. Мистика какая-то. То есть он сам лежал и не двигался. И молчал еще, раз никто ничего не слышал, а на лице тоже никаких следов нет, рот никто не затыкал.

– Есть вариант, что он перегрелся, потерял сознание, а потом с ним это сделали?

– За такой промежуток времени – вряд ли. Это ж все случилось минут за двадцать, ты говоришь? То есть это ему надо было посидеть, резко упариться до потери сознания, скажем,

а это минимум минут десять надо, и это оставляет убийцам еще десять минут, чтоб его так обработать. А потом, я еще не успел сказать, он откусил сам себе кончик языка. После такого не поспишь.

– Орудия убийства – веники? Это могло быть что-то еще, не знаю, машина какая-то?

– Отличные веники, хорошие листья, качественная древесина, крошки от них повсюду. Его забили банными вениками.

– Ты сказал «убийцам»?

– Ага. Вырисовывается три вида следов. Два взрослых: один, словно здоровый мужик, который хлестал в полную силу, второй послабее, но все равно бил от души, возможно, это женщина. Либо же мужик бил второй рукой слабее, непонятно, но это маловероятно.

– А третий?

– А третий слабенький совсем. Я даже сначала не разглядел. Но это точно говорит о том, что хлеставших было как минимум двое, даю голову на отсечение.

– И если это другой человек, то что можешь сказать?

– Либо с больной рукой, либо старик, либо ребенок. Но я стараюсь об этом не думать. Я вообще не понимаю, как это можно сделать с человеком за такой период времени.

– Ребенок?

– Ребенок.

Игнатова неторопливо выпускала дым в окно старенькой «мазды» и ждала Хакимова. Это дело (теперь уже точно дело, на днях она запросила у прокурора возбудить уголовное) ей абсолютно не нравилось. Во-первых, оно грозило стать третьим в ее карьере всяком, во-вторых, за ним следила пресса, в-третьих, тут отчетливо прослеживалась какая-то чертовщина, от несостыковок в характере смерти Водолазова до невидимой семьи убийц-банщиков. Она тяжело вздохнула, снова затянулась, откинулась на подголовник и невидящим взглядом уставилась на подъезд дома, где жил убитый писатель. Где Хакимова носит?

С Хакимовым они работали уже несколько лет. И пару раз спали, впрочем, ничего серьезного быть у них не могло. Младший следователь был ловелас и любимец женщин, так что это, скорее, Агафья затаскивала его в постель (а один раз в машину), чтобы снять стресс после особо тяжелых дел. А вот по-человечески она его любила и была безмерно благодарна, ведь в самом начале совместной работы он спас ей жизнь. То дело тоже было с чертовщиной. Тогда поп в подмосковной деревеньке на берегу водохранилища утопил всю семью и исписал стены странными символами и фразой «он в глубине вод». Самого его так и не нашли, только рясу на берегу, зато расследование совершенно случайно вывело на

проживавшего на соседней улице серийного убийцу с пятью женскими скелетами в подвале.

Агафья подпрыгнула от резкого звука.

– Не спать! Вдовушка ждет! – ехидно посоветовал барабанивший в стекло. Снова подкрался Хакимов.

– Твою-то мать. Ну прекращай, а? – простонала она, открывая дверь.

Водолазов с женой и котом (дети выросли и уехали за границу) жил в Солнцево в обычной позднесоветской панельной многоэтажке с синими полосками на фасаде. Подъезд номер три был в три слоя окрашен самыми дешевыми и вонючими коричневой и серой красками, входная дверь стояла глухая, металлическая, с обрывками нелегальной рекламы и предложениями снять квартиру. Домофон не работал, дверь была открыта настежь, консьержа в доме не было, а внутри темного подъезда стояло легкое амбре. Лифт встретил пассажиров разбитым зеркалом, прожженными кнопками и исписанными матюками стенами. Именно в таких условиях Водолазов писал о судьбах России и – предсказуемо – приходил к не очень утешительным выводам. Слегка поморщившись, Игнатова нажала на полурасплавленную кнопку тринадцатого этажа. Двери лифта затворились с протяжным лязгом.

Вдова Водолазова открыла минут через пять, после третьего звонка. Из-за приоткрытой двери невидяще, сквозь Игнатову с Хакимовым, уставилась пара заплаканных глаз.

– Виктория Борисовна?

– Вы тоже похоронные агенты? Я же сказала, уже нашла.

– Агата Игнатова, Следственный комитет, я вам звонила, – она продемонстрировала красную корочку.

– А... конечно. Заходите, – хозяйка сняла цепочку и впустила следователей. – Не разувайтесь.

Полноватая женщина средних лет явно горевала по мужу – опухшие от слез глаза с фиолетовыми синяками, голова немытая – волосы собраны в пучок, майка наизнанку. «Либо очень хорошо играет, либо к убийству никак непричастна», – отметила Игнатова. Она бегло осмотрела квартиру из прихожей. Как практически всегда в таких ситуациях, – в скромной трешке царил полумрак с завешенными зеркалами и занавешенными окнами. И легкий запах забвения. Где-то мяукнул кот.

– Виктория Борисовна, можно осмотреть комнату Аркадия Станиславовича? У него был свой кабинет?

– Да, переделали из детской. Сюда.

Крошечная комнатка оказалась завалена журналами, книгами и стопками печатных и исписанных от руки листов. Часть макулатуры была складирована прямо на полу, и Игнатовой пришлось переступить через нагромождение бумаг, чтобы зайти в кабинет Водолазова. Интерьер очень скромный – старинный советский комод, продавленный серый диван с дырками от сигарет и пятнами от кофе да дешевый письменный стол. На нем древний ноутбук, печатная машинка и еще куча блокнотов, ежедневников, бумаг, листочков с

заметками и какими-то схемами, журналы и перекидной календарь за позапрошлый год.

– Он очень старомодный в вопросе работы был, Аркадий Станиславович. На машинке все печатал. Мы даже студентам платили, чтобы они тексты в компьютер перегоняли, – отозвалась вдова. – А еще очень строгий был в отношении кабинета, ничего трогать мне тут не позволял. Даже убираться запрещал. Я тут так ничего и не трогала с момента... – она всхлипнула.

Игнатовая принялась осматривать стол. Какой-то единой темы в нагромождениях не прослеживалось – вперемешку лежали энциклопедии по истории, литературные журналы, книги по политике и философии. Взгляд Игнатовой отметил свежий литературный номер глянцевого «Сноба», «Царствование Александра I» и «Славянскую мифологию». Судя по каракулям на листочках, автор усиленно работал над схемой взаимодействия персонажей сразу в нескольких произведениях. Бесплезная информация.

Бумажка с паролем была наклеена прямо на ноутбук.

– Виктория Борисовна, это мы забираем, – она передала компьютер Хакимову.

– Скажите, а над чем последним он работал? Что он вообще писал? – прервал свое молчание Марат.

– Пойдемте на кухню. Хочу сесть.

Вдова предложила им по чашке кофе, тяжело опустилась на деревянный табурет, подперла щеку рукой и вернулась к

разговору с терпеливо ждущими следователями.

– Он про историю много писал. Он же преподавал в РГГУ. Специализировался на царской России, послепетровской. Поэтому писал много научных работ исторических, их ценили в ученом сообществе. Вот с его литературными делами похуже все было. Как ни старался, залезть во всю эту писательскую тусовку у него не получалось. Его печатали, конечно, маленькими тиражами. Но писательская слава не приходила.

– А о чем книги-то были? – отставила чашку Игнатова.

– Ну вот было несколько исторических романов. Что-то там про эпоху покорения Сибири, потом про сыщика. Я не читала особо, честно говоря, хотя врала, что читала. Мне не нравилось. А он, к счастью, в работу меня не вовлекал и не допрашивал... Значит, пара романов про этого, Пандорина. Потом что-то фантастическое пытался выдать. Эта книга у него хуже всего продалась. Он долго ругался ходил и что-то про «литературное гетто» все говорил, мол, не ценит писательская тусовка фантастов. Потом про Вторую мировую и Сталина что-то написал. Вот эта книга у него хорошо разошлась. И деньги какие-то приличные он заработал. Но он тоже плевался, говорил, что написал коммерческую дребедень, а люди и рады ее раскупать. Ну и вот последнее, что писал, какую-то страшилку, как я поняла. Нетипично для него.

– А у него были враги?

– Да какие враги, бог с вами. Он бесконфликтный был,

бесхарактерный даже иногда, я бы сказала. Я с ним временами ругалась, чтоб он жесткость проявил, а он только улыбался и отступал в сложных ситуациях...

– А вот вы про деньги сказали, – перебил Хакимов, – он мог кому-то задолжать, допустим? Что там за большие деньги на книжке про Вторую мировую заработал?

– Вы знаете, какие гонорары писательские? Ну, тысяч сто он заработал на бестселлере. Мы в Сочи съездили.

– Он мог кому-то крупно задолжать?

– Да у нас денег-то толком никогда не водилось. Его университетская зарплата, мои частные курсы математики, дети иногда деньги присылали. Вообще, почему вы меня про это спрашиваете?

– Виктория Борисовна, у нас есть основания полагать, что его могли убить, – призналась Игнатова. – Это не несчастный случай. Характер смерти... в общем, скорее всего, это не несчастный случай, как вам сначала сказали на опознании.

Вдова потрясенно уставилась на следователей.

– Это что, шутка?

– К сожалению, нет. Мы пытаемся понять, кому и как он мог перейти дорогу.

– Это просто смешно. Кто мог захотеть убить Аркашу? За что?!

– Это мы и пытаемся выяснить. Скажите, вы враждовали с какой-нибудь семьей? Может, с ребенком?

Руки вдовы задрожали.

– Ну подождите... как убили... я же сказала, у него никогда не было врагов... И никаких семей я не знаю, у всех дети давно выросли.

Она ударилась в рыдания.

Хакимов и Игнатова переглянулись.

– Мы пойдем, Виктория Борисовна. Соболезнуем вашей утрате. Будем держать вас в курсе расследования.

Уже собравшись выходить, Агафья, повинаясь интуиции, развернулась, взяла вдову за плечи, чтобы немного привести в себя, и спросила:

– Последнее, что писал, страшилка, говорите?

– Да... сейчас. Подождите, – она быстро скрылась в кабинете писателя и вернулась со стопкой рукописных и печатных листов и небольшой черной книжкой. – Вот, возьмите. Это что он написать успел. Насколько я знаю. Может, как-то пригодится в расследовании. А книжку эту все время перечитывал, когда над своей работал.

Игнатова поблагодарила и переступила порог квартиры. Уже в лифте она посмотрела, что ей сунули в руки. На черной обложке с закосом под старославянский шрифт было выведено багряное название: «Энциклопедия русской демонологии».

* * *

Агафья пришла домой рано, разговор со вдовой ее вымо-

тал. К себе она вернулась на метро, бросив машину у работы, – желания стоять в вечерних пробках на пути в Некрасовку не было. По идее, прогулка от станции подземки до дома через многочисленные парковые и детские игровые зоны должна была ее успокоить, но не в этот раз. Липкое ощущение безысходности висяка не покидало и почти физически ощутимо давило на плечи.

Она хлопнула дверью своей студии и бессильно сползла на пол по стене. Так она и уснула в прихожей и спала, пока не подпрыгнула от входящего звонка. Хакимов. Агафья сбросила, попросила написать ей текстом в Телеграме, после чего поплелась в душ. На часах было уже за десять вечера, голова после позднего сна была ватная, ноги немного не слушались. Горячие струи воды придали Игнатовой капельку сил. Она наспех побрила ноги, все равно за окном десять градусов и их никто не увидит, и, наскоро вытершись, отправилась на кухню заваривать чай. После чего взяла телефон, чтобы поинтересоваться, чего же хотел Хакимов.

«В ноуте нашла чего интересное?»

Точно, у нее же ноутбук, книжка и записки. Она сама взяла их, выйдя от вдовы, решила еще поработать дома. Агафья похлопала себя по щекам, чтобы окончательно прогнать сон. «Убитый писатель. Бани. Ребенок в подозреваемых. Соберись. Хорошо, сейчас займемся».

Она отхлебнула зеленого чая, расположилась за кухонным столом и разложила перед собой потенциальные вещдоки.

Ноутбук. Агафья покосилась на приклеенную желтую бумажку и ввела пароль: qwerty1234. Все скучное содержимое жесткого диска было с маниакальной аккуратностью разложено на рабочем столе в ровных рядах папок. «Екатерина Вторая», «Елизавета Петровна», «Павел Первый» – она скользила по историческим эпохам и документам, находя лишь узкоспециализированные научные труды. Внимательно просмотрела системные директории, поискала скрытые папки и файлы, но, похоже, что тут было пусто. Наконец, проверила браузер и почту. В закладках были еще сотни ссылок на исторические документы, в почтовом ящике – спам и вялая переписка со студентами и коллегами о делах давно обратившихся в прах людей. А в «истории» обнаружился порносайт и форум с историко-политическими срачами, где владелец ноутбука с ником Крепостной мужик был завсегдаем. Она пролистнула темы и поняла, что к убийству это все не могло иметь никакого отношения.

Игнатова вздохнула и хлопнула крышкой ноутбука. Гольяк. Нет, конечно, она отдаст его на проверку айтишникам, но она была уверена, что больше в нем ничего не найдут. Ради интереса Агафья пробила со своего компьютера и владельцев бань – предсказуемо, «Сандуны» принадлежали офшору из Кабо-Верде, а реальный владелец, бизнесмен из девяностых, давно жил в Италии и не появлялся в России.

Она подвинула к себе печатные листы с рукописью и разнообразные заметки писателя. Судя по недописанным об-

рывкам глав и сбивчивым пометкам, автор хотел написать что-то вроде хоррора, замешанного на древнерусской мифологии. Действие происходило в наше время, а главным героем был частный детектив, расследующий загадочные явления и убийства в элитном поселке на Новой Риге. Автор с пафосом обличал сверхпотребление богатых москвичей и карал их духами славянского фольклора – лешими, водяными, русалками и более специфичными, неизвестными ей персонажами вроде мавок, полудниц и степняков. Несколько раз появлялись упоминания и банника, или, как сообщали пометки на полях, обдерихи или шишиги, однако дописать эту главу он не успел.

Агафья перешла к «Энциклопедии русской демонологии». Видимо, Водолазов не раз консультировался с этой книгой – страницы были растрепаны, то и дело на полях встречались заметки вроде: «Борис боролся с лихоманкой постом по совету попа?!», а некоторые куски текста были подчеркнуты, обведены или даже выделены фломастером. В общем, обычный рабочий процесс писателя. Она пролистала книгу, перевернула ее вверх дном и потрясла, на случай если вывалится какая-то записка. Пусто. Ради интереса открыла оглавление: «Кикиморы, домовые, лихие сестры». Она усмехнулась, да она сама та еще лихая сестра. Стр. двести сорок: «Банники». Слово было обведено несколько раз. Игнатова перелистнула страницы.

«Баня – древний прообраз крестьянского жилища,

в ней пировали, лечили недуг, рожали детей, мылись и омывали младенцев и покойников, гадали на суженого, посвящали в колдуньи. По сути, это небольшое языческое капище при доме, и неудивительно, что там нашли свое прибежище разные духи и божества, теснимые наступающим христианством. Одним из хозяев бани был банник (также рижный, баенник). В зависимости от местности и поверий, это мог быть злой или добрый дух, причем демонические вариации были распространены намного шире, – это мог быть противный голый нечесаный старик банник или живущая под полом или за печкой баба-ишшига (или обдериха) с огромными зубами и спутанными волосами. Их наши предки винили во всех несчастьях в бане: если кто-то облился кипятком, задохнулся или упарился. По поверьям, особенно жестоко они могли наказывать за нечистоплотность и сор в бане – исцарапать, задушить или забить вениками до смерти, содрав кожу. Мыться в бане после полуночи не рекомендовалось, считалось, что в это время там моется банник. В некоторых мифах у банника могла быть семья – жена и даже ребенок, при этом состав его семьи мог зеркально повторять семью домовладельца».

Агафья перелистнула страницу и обдумала все прочитанное. Да не, бред. Она отключилась, прямо сидя за столом.

Ее снова разбудил вызов от Хакимова. С десятым звонком она продрала глаза и посмотрела на часы. Полтретьего ночи.

– Але?

– У нас новое убийство. Там же. Такое же.

– Скоро буду.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Игнатову словно затянуло в дурной морок, и она уже не удивлялась цикличности происходящего. Такое же убийство (в этот раз жертва – крупный бизнесмен, так что внимания к делу стало еще больше). Свидетелей не было, камеры ничего не видели, тот же зеленый управляющий, почти такое же заключение от судмедэксперта Славы. Почти такой же допрос вдовы (нет, желать смерти новой жертве могло в разы больше людей, чем Водолазову, но Игнатовой что-то подсказывало, что это все ни при чем).

Было и что-то новенькое. Например, закрытие «Сандунов» на неопределенный срок. Или неслыханное заявление мэра о требовании к правоохранительным органам остановить вакханалию в важной туристической точке Москвы. И разнос от начальства (Агафья их отродясь не получала). А еще бизнесмена Адмиралова также, похоже, «упарили» три пары рук, но вот женские в этот раз оставили несколько отчетливых отпечатков пальцев на лавках и длинный черный

волос. Поиск по базе данных ничего не дал, но, судя по анализу, это была славянка от двадцати до тридцати лет.

Игнатова, опрашивая потенциальных подозреваемых по новому убийству, еще не раз возвращалась мыслями к «Русской демонологии», но каждый раз отбрасывала прочитанное как несущественную деталь. Какие еще банники и кикиморы? Она современная и здравомыслящая москвичка, не верящая ни в Бога, ни в черта. У всего происходящего должно быть рациональное зерно. Еще ей почему-то вспоминался прошлый висяк с попом в подмосковной деревеньке. Не упустила ли она тогда чего?

Да и как история с волосом ложилась во всю эту мистику? Все вполне приземленно: волосы, отпечатки пальцев. Оставалось понять, как эта странная группа «банщиков» проникает в «Сандуны» мимо всех свидетелей и камер.

Был, правда, один моментик со вторым убийством.

«Особенно жестоко они могли наказать за нечистоплотность и сор в бане – исцарапать, задушить или забить вениками до смерти, содрав кожу. Мыться в бане после полуночи не рекомендовалось...»

По требованию VIP-клиента баньку ему организовали в час ночи. А на месте первого преступления были разбросаны раздавленные чипсы.

Шли дни, а прогресс в расследовании был нулевой. Начальство орало и собиралось создавать следственную группу.

В последнее воскресенье заканчивающегося лета Агафья вышла из дома на пробежку. В пять утра улицы ее спального района были безжизненны и только наполнялись цветом, а желтый шар солнца едва начал подниматься над лазурными небоскребами на горизонте, почти не слепя и не грея. Тишину столицы нарушали лишь птицы, компания возвращающихся с тусовки пьяных подростков, изредка проезжающие автомобили и куда-то уже спешащие на велосипедах курьеры с зелеными сумками. Она пробежала до боли знакомые тридцатиэтажки, аптеку, три супермаркета, пивнушку, еще аптеку, магазин белорусской одежды, ларек с печатью, заправку и фастфуд, багетную мастерскую и ломбард и, наконец, достигла входа в районный парк.

Наворачивая круги и петли по аллеям еще не проснувшегося, облагороженного недавно леса, она снова обдумывала детали дела. Водолазов и Адмиралов. Могло ли их что-то связывать? Могли ли они быть знакомы? Входили в какие-то круги, которые участвовали в сомнительных церемониях в банях? Может, Водолазов преподавал у Адмиралова в РГГУ? Нет, по возрасту не сходилось. Может, как-то по пи-

сательской линии знакомы? Нет, она уже проверяла эту версию. Она ненавидела это дело, одни повисающие в воздухе вопросы.

Одну смерть от другой, помимо отпечатков и волоса, отличала лишь небольшая новая улика на месте преступления. Криминалисты обнаружили несколько пятен семенной жидкости на лавке в бане. Судмедэксперт подтвердил, что незадолго до смерти у Адмиралова было семяизвержение. Получалось, что в «Сандунах» проходили какие-то сомнительные оргии с участием посторонних женщин, возможно, мужчин и даже детей (или это карлик?). В какой-то момент по непонятной причине эта группа убила Водолазова. Но даже это не остановило Адмиралова от того, чтобы вновь прийти в «Сандуны» после открытия и принять участие в непонятном ритуале, где его и «попарили».

Чем так важен ритуал? Некое тайное общество? Адмиралов входил в элитные круги, а у них такая дичь практикуется (она только вчера пересматривала «С широко закрытыми глазами»), так что это было возможно. Но Водолазов и секс-оргии? У него даже денег на это не было, он порнушку смотрел на ноутбуке, как она уже выяснила. Херня какая-то, ничего не сходилось.

*Она плавает в формалине,
Несовершенство линий,
Двигается постепенно.*

В ушах играл трек из молодости, который она слушала уже тысячу раз. Из ее неформальной молодости, когда она еще носила пирсинг в носу и красила пряди в розовый (до того, как это стало мейнстримом), и до того, как судьба резко переменялась и она стала студенткой Академии Следственного комитета. Переслушивая этот трек, она думала, что и сама однажды встретится с формалином, как ее убитый отец, как давно умерший брат-наркоман, как жертвы ее расследований, как Водолазов и Адмиралов. Как каждый день умирающие и рождающиеся на этой холодной планете, на которую все приходят из темноты и в нее же возвращаются. Без всякой загробной жизни, просто уходят в темноту. Куда уйдет и ее мать, напрямиком из психлечебницы, которую сегодня Агафья опять навестит после пробежки.

Она остановилась, присела на лавку и закурила. Дым после спорта неприятно оцарапал горло, и она затушила сигарету после трех затяжек.

* * *

Курила она и на выходе из Психиатрической клинической больницы № 4 им. П. Б. Ганнушкина. Уже уверенней, до самого бычка. Визит к матери всегда давался нелегко, и это было единственное, что еще могло вышибить у нее слезу. Чтобы снять напряжение, она зашла в какой-то похабный ирландский паб у метро и уже успела выпить стакан виски и

грубо отшить подсевшего мужика, когда ей позвонил Хакимов. Она подождала, но звонок никак не умолкал, а закончившись, начался снова.

– Ну и почему ты звонишь в выходной? – устало спросила она, не здороваясь.

Голос на том конце провода источал оптимизм собаки-ищейки, взявшей след.

– Нашли дамочку из бани. Попалась любовь Адмиралова!

– Что?! Как?

– Тупо повезло. Менты вчера накрыли элитный притон на Баррикадной. Девочки, горы кокоса, метамфетамин, смешные колесики, марочки, даже оружие было. Застали там одного ну очень известного человечка, прям пикантно! Думаю, скоро слив в Телеграме про это прочтем, – он хохотнул. – Ну и откатали пальчики у всех девочек. Тут и попалась случайно наша Жанна, в миру Ирина Васильевна Гуменюк.

– Приезжая?

– Почти только с поезда, поэтому и в базе не было. Короче, сейчас распутаем все это дело. Собирай манатки и давай сюда, в изолятор, адрес сейчас скину.

Агафья тяжело вздохнула и с болью посмотрела на второй стакан виски, который только что поставил перед ней официант. Банник, твою мать. Гуменюк. Гуменюк! Она в голос засмеялась.

Через полчаса они с Хакимовым уже сидели напротив загорелой брюнетки с длинной косой и подкачанными губа-

ми. На мадам была розовая кепка с надписью BOSS, золотая цепь толщиной с палец и накиннутый на белую майку закатанный пиджак от Louis Vuitton, из-под которого вылезали «рукава» с цветными татуировками в духе якудзы. Во рту она крутила розовую жвачку, перекрывая перегар, и надувала громко лопавшиеся пузыри.

– Ирина Васильевна? Я следователь Игнатова.

– Ну да. Жанна. Попалась я, да? Когда отпустите? – улыбаясь спросила она, играя пальцами с кончиками волос.

– А может, и не отпустим. Про убийство Адмиралова слышали? – ответила Агафья буднично.

С дамочки мигом слетела спесь.

– Я тут ни при чем! Я только из новостей узнала, кто это вообще был! – ее голос почти сорвался на визг. – И вообще! Мне адвокат положен!

«Хороший полицейский» Хакимов прервал ее:

– Ирина Васильевна. Не усложняйте себе жизнь. Адвоката вам, конечно, предоставят. Но вас пока никто ни в чем не обвиняет. А вот из-за горы наркотиков и оружия в притоне у вас могут быть проблемы. В общем, поговорите по-хорошему со следствием.

– Я вообще тут ни при чем. Я даже не знала, кто это, клянусь! Я на полчаса зашла, он отстрелялся, и я домой поехала. А на следующий день во всех новостях... Я еще удивлялась, почему мной никто не интересуется...

– Что насчет ваших, как это сказать, – Агафья задума-

лась, – компаньонов? Кто с вами был? Мужчина? Или это накачанная баба? И карлик? Что у вас там за оргия была?

У Жанны округлились глаза:

– Какие компаньоны? Какой карлик? Я таким не занимаюсь! Обычный выезд. Мы вдвоем, я за полчаса... Водитель привез и забрал.

– Вы хотите сказать, что были там с ним одни?

– Именно это я и хочу сказать.

– И в бане с ним никого больше не было?

– Нет.

– То есть вы зашли, сделали свое дело и вышли? Он остался в бане?

– Ну да.

– Вы понимаете, что грозит за лжесвидетельствование?

– Да я клянусь! – Жанна выудила из-под майки крестик и поцеловала его. – Я понятия не имею, кто его грохнул.

Хакимов наклонился над столом и продемонстрировал Жанне фото Водолазова на телефоне.

– Знаете этого человека? Клиент?

– Этот-то? Ха! Такой меня не потянет, по фото видно, что нищерброд. Первый раз вижу.

Агафья откинулась на стуле и молча изучала лицо проститутки. Можно было и продолжить, но она знала, что толку от этого не будет. После сотен проведенных допросов она сходу научилась определять, когда допрашиваемый врет или что-то утаивает. Жанна Гуменюк говорила правду.

Незаметный приход и уход проститутки из «Сандунов» подтвердился в тот же день. Стали перепроверять записи с камер, обнаружили следы тонкого монтажа. Под давлением трясущиеся администратор и сисадмин выложили, что Адмиралов, как и ряд других ВИП-клиентов, регулярно заезжал к ним и заказывал девочек. В такие вечера камеры бань «ломались» (технари из комитета сказали, что это происходило по несколько дней в месяц) или записи потом бережно редактировались, чтобы на солидных господ не появлялся компромат. С камер соседних домов потом насобирали не одну запись подвоза девочек на дорогих машинах. На одной из пленок была и Жанна, заходящая в одиночестве в здание «Сандунов».

В очередной раз поиски вывели куда-то не туда, вместо улик в деле об убийствах они обнаружили секс-скандал. Между тем основное расследование опять зашло в тупик.

* * *

– Ты хоть понимаешь, как ты меня подставляешь? Ты понимаешь, какие люди мне звонят? Ты один из лучших следователей, и результата нет ни хрена! – покрасневшийся начальник стучал кулаком по столу. – Меня с говном съедят, тебя с говном съедят, Игнатова! Что молчишь, твою-то мать?! Еще и секс-скандалы эти раскопала? Вот это мне на хрена? Там такие люди на пленках этих!

– Мы отработываем различные версии. Зацепка с проституткой оказалась тупиком...

– Тупиком! Ты понимаешь, что карьера моя закончится тупиком?! И твоя вместе с моей, навсегда. Значит так. Даю тебе с Хакимовым еще неделю. После этого отстраняю от расследования. Пойдешь у меня магазинные кражи раскрывать! Все ясно?

– Так точно.

Агафья закрыла за собой толстую дверь кабинета с красным ковром и столом с зеленой лампой. Она никогда не видела начальника в такой ярости. Хотелось выпить, или уволиться, или все сразу.

Она побрела к рабочему месту по длинным коридорам их аляповатой серой стеклобетонной коробки на «Бауманской». Зашла в их маленький кабинет, кивнула скучавшему Хакимову, села за ноутбук и принялась пересматривать улики, которых особо и не было. Волос и отпечатки Жанны. Следы от ударов двух или трех неуловимых убийц, среди которых мог быть ребенок. Веники, стесанные до прутьев. Раздавленные очки, которые кто-то словно спрессовал массивной лапой. Фото с места убийства. Записи с камер наблюдения соседних домов. Она ходила по кругу и не замечала какой-то важной детали.

В углу экрана пиликнуло – коллега из секретариата пересылал обращение, пришедшее в онлайн-приемную комитета. Обычно обращения граждан с ФИО «Анонимов Добро-

хот Добровольевич» с одноразовых ящиков не принимали, но это сообщение касалось дела о «Сандунах».

«Слышал, что вы расследуете убийство Водолазова. Поспрашивайте про его похождения у студенток. Слышал, что с него обещали, цитирую, „шкуру спустить“. Надеюсь, эта информация вам пригодится».

Спустить шкуру, значит. Агафья живо представила картину, которую она лицезрела уже дважды в банях. Может, все прозаично? Но кто тогда «спустил шкуру» с Адмиралова? Между преподавателем и бизнесменом опять вырисовывалась непонятная связь.

– Хакимов, по коням! Возможно, криминал. Едем опять в РГГУ.

Настала пора снова посплетничать со студентками профессора, что она уже проделывала в первую неделю расследования, ничего тогда не добившись.

Пока ехали, пошел холодный августовский дождь. Игнатова молча рассматривала стекающие по стеклу капли воды, новый красный небоскреб с выдающимися из стен кирпичными кубиками и мертвую пробку на Сахарова, которую венчали пробка на Садовом и следом за ней на пересечении с продолжением Сахарова – памятник жертвам репрессий. Стена скорби, словно с вылезавшими из нее фигурами и колоннами из лагерных камней. Незадолго до смерти отца они проходили с ним мимо этого памятника, и он сказал, что монумент дурацкий и ему тут не место.

– Хакимов, а сколько ты прожить хочешь? – поинтересовалась она, отхлебнув кофе, что они захватили по дороге.

Тот усмехнулся:

– Что, так надоел уже?

– Я серьезно.

– Ну, лет до восьмидесяти. Чтоб на пенсии посидеть, внуков увидеть. А что?

– Да ничего. Думаю, дотяну ли я вообще до старости с этой работой и на фоне истории моей семейки. А если дотяну, то зачем и какой смысл...

– Ты про семью никогда ничего не рассказывала...

– И не буду. Все, езжай.

* * *

Агафья быстро выцепила одну из уже знакомых студенток Водолазова, выделявшуюся болтливостью, на выходе из открытого резными каменными орнаментами здания РГГУ на Никольской.

– Скажи, а как профессор относился к молодым студенткам?

Та скривилась.

– Этот-то? Ему еще было чем относиться?

– Не ходило ли слухов каких-то про него?

– Каких слухов?

– Ну, про харассмент.

Студентка захихикала.

– Да это его харассили на лекциях. У перваков даже игра была – кто более вызывающе себя с ним поведет.

– Ну хорошо, – Агафья не сдавалась, – а не обещал ли кто-то с него «шкуру спустить»?

– А, это, – студентка залилась долгим смехом. – Это очень смешная история. В общем, у нас была такая Сюзанна Хакмадоева, ботаничка та еще. Из семьи интеллигентных московских дагестанцев в третьем поколении. Отец у нее в консерватории там кем-то работает. А у Водолазова была привычка на первом зачете никогда никому пятерки не ставить. Ну знаете, бывают такие преподаватели. Говорил, что на пять знает сам Господь Бог, на четыре он сам, а студенты – на тройки и двойки. Короче, пришла к нему на зачет Сюзанна, и он давай ее топить, как всех остальных. А она все знает по программе, понимаете, вообще все. Ну он разозлился и стал совсем идиотские вопросы задавать, на которые без энциклопедии не ответишь. Он такой: «В каком году царь Федор Алексеевич издал указ о сносе лавок на Красной площади»? А она неожиданно: «В тысяча шестьсот семьдесят девятом, но приказ претворил в жизнь только его брат Петр Великий». Он охреневает и следующий подобный вопрос задает. И вот такой батл у них часа полтора был. В конце концов Водолазов ее все-таки поймал на каком-то вопросе и вlepил тройку. Та в слезы и домой убежала. Ну и вот отец, – студентка начала пародировать акцент, – пришел к Водолазову после заня-

тия как-то обсудить ситуацию. Сначала они тихо говорили, но потом, видимо, Водолазов его довел, и отец стал кричать: «Я с тебя шкюру спущу! Я с тебя шкюру спущу! Моя дэвочка всегда отличница била!» Бегал, кричал, ногами топал, ку-ча студентов это видели. Сейчас, я вам даже видео покажу.

На экране смартфона бегал и топал ногами лысеющий карикатурный кавказец. Агафья уже тогда поняла, что это очередной тупик, но отца-Хакмадоева проверила. В квартире на Маяковке тот без конца повторял, что «на Кавказе мы учителей уважаем, но это!..»

И у этого шкуродера оказалось алиби.

Когда спустя шесть дней, на исходе отмеренной недели, ей позвонили про третье убийство в только что заработавших «Сандунах», она решила, что знает, что надо делать. Либо у нее поехала крыша, либо она раскроет это дело. Она набрала Хакимова:

– Марат, езжай туда и бери плавки с пистолетом. Да, плавки. Париться будем. Домой поздно приедешь.

* * *

– Баню организовать и пива с чипсами принести? В соседней с местом убийства комнате? Вы это серьезно?

– Абсолютно. Нужно, чтобы все было растоплено к полуночи. И отведите всех ваших людей подальше, как баня будет готова. Можно всех домой отпустить, кроме охранника.

– Вы не шутите?

– Нет, мать вашу. Выполняйте! – рывкнула Агафья.

Управляющий «Сандунов» спешно удалился.

Хакимов смотрел на нее изумленно.

– Что ты задумала?

– Ты все равно не поверишь. Иди переодевайся. И служебное не забудь.

– Агафья-Агата, не хочешь объяснить?

– Исполни! В плавках, блять, жду через три минуты.

Младший лейтенант полиции, первый прибывший по вызову, тоже топтался и вопросительно смотрел на Игнатову, как на умалишенную.

– А нам что делать?

– Собери всех людей. Ждите у входа. Услышите крики, выстрелы, приходите на помощь. Будьте наготове, с оружием. Есть вариант, что я спятила и оно и не понадобится.

– Не потрудитесь объяснить, что происходит?

– Сам увидишь. Или не увидишь, – нервно хохотнула она.

Через десять минут Игнатова стояла у двери в баню в купальнике и с пистолетом. На шее красовался крестик.

– Ты же неверующая? – спросил Марат.

– Папин.

– Ты прям горячая. Топлес будет?

Агафья не ответила и покосилась на часы на стене. Без пяти полночь. «Кто в „Сандунах“ не бывал – Москвы не видал», – гласила табличка под циферблатом.

Из двери вышел банщик, посмотрел на них и покачал головой.

– Готово. Натопил от души. Пиво с закусками у входа. Варежки, чтоб металл держать, – он покосился на пистолеты, – тоже. А вы что делать собираетесь?

– Спасибо. А теперь иди отсюда подальше. Марат, за мной.

Она еще раз проверила часы. 23:59. Вздохнула и отворила дверь.

Не сбрасывая тапок, Агафья прошла предбанник, взяла варежки, пиво, сухари, чипсы и воблу и зашла в парильную. Ее обдало горячим воздухом, а зрение на пару секунд поплыло от тумана. Она помахала рукой, прогоняя пар, и села на нижнюю полку. Марат опустился рядом.

– Слышь, Игнатова? Мне твой цирк уже надоел. Что ты затеяла?

– Смотри, я сейчас буду делать странные вещи. Если ничего не произойдет, то давай потом просто вспомним этот эпизод и посмеемся. Я все объясню. Может быть, я ебанулась на старости лет. А может, мне понадобится твоя помощь.

– Давай только быстрее, ствол даже так жжет.

– Какой ствол у тебя жжет?

Игнатова перекрестилась и приступила. Сначала открыла пиво, разлила его по полу, скомкала банку и кинула ее к печке. Затем достала сухарики, чипсы, стала рассыпать их вокруг себя и давить грязным тапком. Отрывала куски воблы и

разбрасывала вместе с кусками обертки по лавке. Наконец, она смачно плюнула на пол, три раза матерно прокомментировала качество бани и принялась ждать.

– Ты закончила перформанс? Я бы даже сказал, пусси рай-от.

– Тихо.

Долгие минуты ничего не происходило. Агафья захотела уже встать и уйти, но тут почувствовала, что ноги у нее каменные. В комнате, кажется, потемнело, пар сгустился, исчезли звуки.

Под полом что-то зацарапало.

– Ты тоже это слышишь? – спросила она Марата не в силах повернуть голову.

Ответа не последовало. Она вообще словно потеряла слух. Игнатова еще раз попыталась повернуть голову, но поняла, что парализована. Ее шея осталась зафиксированной в согнутом положении, направленном в пол. Только пол она теперь и видела. И какое-то мельтешение в уголке правого глаза. Пистолет нагрелся и начинал обжигать руку сквозь варежку.

На щеку упало что-то теплое. Она моргнула.

Еще капли на щеки, волосы, плечо, ноги. Одна капля приземлилась в поле ее зрения. Бордово-красная.

– Мара-а-ат?! На помощь! – взвыла она, но, казалось, слова утонули у нее в горле, так и не выбравшись наружу.

Все больше мельтешения и красных брызг. Под ноги упал

ошметок кожи. Она не хотела верить, что это происходит.

Одна из половиц перед ней приподнялась. Следом оттопырились еще две.

Под полом ничего не оказалось. Она напрягла глаза, но продолжала видеть лишь поднимающиеся в воздух, словно сами собой, половицы.

Что там надо делать против нечисти? Материться? Показывать кукиш? Молиться? Скованная по рукам и ногам, не в силах сказать и слова она в немой молитве хотела зажмуриться, но и веки теперь приклеились. Пусть все это будет неправда. Пусть это сон. Теплый дождь орошал ее уже с ног до головы и не давал забытья. Пистолет жег руку нестерпимо, кажется, кожа под варежкой уже пошла волдырями. Крестик въелся от жары в грудь, прожигая дырку под шейей.

Она пошевелила веками и проморгалась от стекающей крови. Потом как-то подняла шею. И увидела это.

Из-под пола вылезала нечеловеческого роста баба. С обвисшими грудью и задом, сморщенной кожей и длинными зеленоватыми лапами, которые венчали острые желтые когти. Нечесанные седые волосы по пояс свисали тиной с низко посаженной головы, скрывая глаза, а под крючковатым носом зияла пасть, полная крупных обломанных клыков.

Агафья в ужасе рассматривала монстра. Обдериха.

Кажется, чудище и само удивилось, что его видят. А потом оскалилось и двинулось к ней.

Агафья дернулась и обнаружила, что теперь может дви-

гаться. К ней вернулся слух, и барабанные перепонки в тот же миг взорвались от визжания рассекаемого воздуха и хлестких ударов веников по телу напарника. Что там происходит, разбираться времени не было.

Агафья перекрестилась, выкрикнула хлесткое дворовое ругательство в адрес надвигающейся бабы, показала ей кукиш и из последних сил, роняя уже нестерпимо горячий пистолет, выстрелила. Оружие завалилось куда-то под лавку.

Бабу откинуло к печке. Она удивленно посмотрела себе на грудь, потрогала дырку под уродливым соском и снова двинулась на Агафью, держась к двери. Выход из кровавой бани был теперь заблокирован, деваться было некуда. Обдери-ха махнула лапой и разбила потолочную лампу. Все погрузилось в темноту.

Игнатова завизжала, отступая, запрыгнула на самую верхнюю полку в угол и ударила приближающуюся тварь ногами в грудь. Монстр пошатнулся, но устоял, а затем в ответ хлестнул лапой и рассек острыми ногтями ей всю ногу, от колена до самой ступни. Хлынула кровь, смешиваясь с кровью безмолвного Хакимова.

Игнатова приготовилась умирать.

Дальнейшее она видела смутно. Кажется, ей рассекли важную артерию.

Сначала вроде бы открылась дверь, в комнату ворвались несколько мальчиков из полиции и замерли, привыкая к отсутствию света, пытаясь разглядеть представшую сцену.

Теряя сознание, она увидела, как обдериха дернула лапой. Одного полицейского отбросило в стену, второму она снесла когтями голову, та подпрыгнула и покатилась к выходу, хлынул еще один фонтан крови. Раздались выстрелы, менты не видели источника атаки и палили наугад.

Тяжелеющая голова Агафьи свесилась на плечо. Взгляд лениво скользнул по комнате. Справа на скамье, едва видимые в сумраке, сгорбленный и покрытый листьями дед-банник и невысокий бес, должно быть, его внук, месили вениками труп Хакимова, приговаривая: «Мытый-чистый будешь, докрасна отмоешься».

Последнее, что она услышала, было: «Не двигаться. МПД». «МПД. А что такое МПД», – промелькнула мысль, а потом сознание угасло.

Глава II. Архивы

О некоторых особенностях моей работы и странностях Москвы

Когда я родился, было две новости. О плохой родителе узнали быстро – из-за генетической аномалии я подслеповат на один глаз. Вторую новость, не скажешь, что она шибко хорошая, я осознал, когда подрос, – я *вижу* всякую херотень. Именно так, не хочу пафосного: я вижу, что другим неведомо и неподвластно. Тем не менее я вижу у людей слабые ауры (они цветные, прям как в книжках шизотериков с дешевой обложкой), могу рассмотреть энергетические ловушки, потоки и завихрения, но хуже всего, что иногда я замечаю всякую бесовщину. Не знаю, связано ли это с подслеповатостью, но думаю, что связано.

Вот идешь по улице и вдруг понимаешь, что в толпе на «Щелковской» крадется плотоядно облизывающийся ящер в деловом костюме. Для других это с виду обычный лысеющий чиновник из бесполезного министерства. Но я-то вижу. Потом он подловит кого-нибудь в подворотне и когтем по горлышку, напитается страхом и заснет где-нибудь в заброшке на нижнем Китай-городе. А менты спишут дело на ограбление и бытовуху и постараются не дать огласки в СМИ

(хотя с этим все тяжелее в последнее время).

Или вот богатая дама выгуливает кошку на поводке в Столешниковом. Только это кошка ее выгуливает. И это не токсоплазма, про которую даже уже некоторые обыватели слышали. Я вижу, как от того, что прикидывается кошкой, к груди женщины идут фиолетовые флюиды. И хозяйка стареет на день за час прогулки, а у кошки шерсть все больше лоснится.

Иногда они меня замечают и понимают, что я *вижу*. Кто-то пугается и пытается побыстрее спрятаться, вроде безобидных домовят в Тушино. Кто-то издевательски ухмыляется, как та девушка-суккуб на Чистых. Ей-то что, у паренька-говнарника с гитарой уже нет шансов, будет теперь ее беззаветно любить лет десять, пока она не наиграется и не высосет все жизненные соки. А кто-то хочет убить свидетеля, как тот комок черных щупалец, чуть не скинувший меня на рельсы на «Электrozаводской». Заметили, сколько людей стало под поезд падать? То-то же.

Короче, я стараюсь *не смотреть* и *не видеть*. Меньше знаешь – крепче спишь. Но получается не очень. И самая дрянь обычно вылезает в дождь. Вот и тогда был апрельский дождь, когда я снова потерялся в тихих двориках старой Москвы между Покровкой и «Курской».

Особенность первая: не задерживайся

Впрочем, я забегаю вперед.

Иван Петрович Сидоров, позвольте представиться. Нет, это не псевдоним, у моих предков, очевидно, было плохо с фантазией. Эта история начинается, когда мне двадцать три и я работаю курьером – ну а чем заняться парню из необеспеченной семьи в постковидной послевоенной Москве? Мы, курьеры, – герои нового времени. Шарагу закончу, может, и менеджером каким буду. Блогером не хочу – во-первых, все вокруг уже и так блогеры, во-вторых, не люблю технологии. Соцсетями не пользуюсь, в интернете не сижу почти, по возможности не залезаю в телефон (но по работе приходится), читаю бумажные книги по ночам. На курсе считают меня фриком – я и лекции по старинке пишу в тетради. А мне и хорошо, не люблю людское внимание (и не людское – в шараге тоже есть несколько *этих*).

Одним словом, я идеальный кандидат для собственной службы доставки одного сетевого книжного магазина. Казалось бы, простая умиротворяющая работа, но чего я только не вижу каждый день. Книжки – это интимно. Не секс-кукла или вибратор для интеллигентного очкарика или пожилой бабушки, но тоже позволяет неплохо залезть в душу человеку.

Вот, допустим, смотришь, ага, везем Стивена Кинга в Алтуфьево. Получатель – Мария Чернова. Нарисовал себе студентку-неформалку с чокером, розовыми волосами и вечерним макияжем двадцать четыре на семь в хрущевке под реновацию. А дом внезапно оказывается элитной новострой-

кой, дверь тебе открывает блондинка лет тридцати пяти с такой болью и эмоциональным выгоранием в глазах, что понимаешь, что что-то у нее в жизни пошло не так. И вот она погружается дальше в пучину экзистенциальной безысходности, читая хорроры, чтобы получить дофаминовый приход и еще как-то почувствовать себя живой.

«Попаданцы: Колчак против Дудаева» на Площадь Ильича. Ну, тут понятно, кто читает такую литературу. Владислав Бабело. И опять промах. Открывает дверь университетский профессор с тонкой ухмылкой. Видимо, месье знает толк в извращениях.

И наоборот: нередко привозишь какого-нибудь Хайдеггера или Фукуяму на Кутузовский или Ленинский, скажем, Владимиру Романову-Кранц, а там вот этот феномен бомжа-миллионера. В шикарной сталинке тебя встречает абсолютно деградировавший антисоциальный персонаж в халате и перегаром выдает: «Премного благодарен». Спившийся поэт какой-нибудь, небось. Или московский интеллигент в пятом поколении. Пересекающиеся величины.

Но обычные москвичи за пределами Садового – бог с ними. Я терпеть не могу заказы по центру. Особенно внутри Бульварного кольца. Вся эта нелюдь, она к центру жмет. Город у нас древний, они тут тоже давно, успели обзавестись элитной недвижимостью. Чем ближе к Кремлю и старше жилой дом, тем выше шанс нарваться на какую-нибудь тварь. Кстати, всегда интересовало: они книги хоть читают

или только курьера надеются сожрать?

Вот не далее как на прошлой неделе привез «Пиши, сокращай» (господи, и кто это читает, книга в топ-пять продаж по стране) некой Василисе Изадовой на Гоголевский бульвар. И адрес, и фамилия – в общем, я подозревал, что это будет. Так и есть – открывает милая юная девчушка с каре в халатике, такая типа фрилансер, копирайтер какой-нибудь. «Устали? Может, кофейку?» И так плечиком повела, халатик приспустился, губы облизнула. А я смотрю – язык у нее черный и раздвоенный, как у змеи. Я как увидел, глаза опустил сразу, чтоб она не догадалась, что я *вижу*. Не, говорю, простите, заказов столько, внизу машина ждет с напарником (соврал, естественно), так что давайте автограф, и я побежал. Ну и так же, не глядя, сунул заказ и быстрее спиной вперед по лестнице попятился, благо в доме всего три этажа.

Это не первый такой случай, естественно, мне много чего есть рассказать. Но как-нибудь в другой раз. Главное, что надо запомнить: не задерживайся. Сунул заказ и побежал. И не потому, что курьер. Можно не *разглядеть* и если не стать чьим-то ужином, то все равно нарваться на крупные неприятности.

Особенность четвертая: кольца Москвы

Вы когда-нибудь задумывались сколько колец у Москвы и зачем ей столько? Кремлевское, Бульварное, Садовое, ТТК,

МКАД, ЦКАД, Кольцевая линия метро, МЦК, БКЛ, «зеленое», при Лужкове еще четвертое кольцо собирались строить, я читал. Зачем столько? Как вы поняли, это неспроста...

* * *

– Это все?

– Все. Больше записей не нашли. Ну и еще ворох тех записок, которые вы уже видели. Видимо, сел писать, его вызвали на доставку, и там его сожрала-таки небезызвестная Высокая дама с Трубной, догадавшаяся, что ее *видят*, ее нейтрализовали уже. Давно вели, но доказательств не было. А тут с поличным взяли – и в расход. Ну как, хотели задержать, все по закону, но она отбиваться стала. Целое представление устроила с выходом на улицу, пришлось потом подчищать. Жалко, паренька не спасли. Хоронили в закрытом гробу, всего расплющило, уж не знаю, какую ахинею придумал отдел сокрытия для свидетелей и родных.

– Да-а, печально. Хотя не подошел бы, шиза эта с призраками, аурами, флюидами. А так толковый мальчишка, даже и не скажешь, что студентик, столько всего знал, до столького всего сам додумался. Нафантазировал от души тоже, поржал над его теориями заговора, понабираются же в интернете! Как он «зоны» с ботинками связал, а? Меня, кстати, тоже этот вопрос всегда интересовал. Интересно, что там с этим стариком. И даже до ливней дошел и про кольца начал дога-

дываться. А как на Книгожора нарвался! Агент бы не получился, но в министерстве бы содился... Хотя с его справкой из психдиспансера он не различал, где правда, а где его глюки и вымысел...

– А представьте, это не шиза про ауры и духов все? Вдруг он *видел*, чего мы не видим?

– Дима, ну ты же знаешь, мы все время исследования проводим. Все министерство не видит, а он видел?

– Ладно... Ну, что теперь делать? Нам как финансирование поиска новых талантов порезали, все больше таких случаев. Находим их пост мортем. И этого прошляпили.

– Ну, земля пухом. В архив.

– Кстати, про непрошляпленный талант, как там, скоро приведут?

– Скоро. Ступай, Дима.

* * *

Я козырнул, вышел из кабинета начальника и отправился в туалет освежить лицо холодной водой. Очень смешно, что наша сверхсекретная организация так же страдает от таких «мирских» офисных проблем, как слабое кондиционирование помещений. Вроде бы офис должен был когда-то переехать, но когда, одному Богу известно. Перевозить содержимое наших запасников и архивов, ах да, и содержимое изолятора, – все равно что катать по Москве атомную бомбу. Я да-

же не знал, какую версию придется придумать для обычных горожан, зачем перекрывают весь центр, когда все это произойдет. Так, конечно, давно пора было нас выселить из приотворяющейся НИИ сталинки в районе «Курской» куда-нибудь в Новую Москву, так будет безопасней для всех.

Ну а пока – пол-лета мы играли во «включи кондиционер – нет, открой окно» и ругались с коллегами по комнате. Особенно невыносимо было в этом июле: стояло плюс тридцать три, дождей не было несколько недель, в парке Горького выцвел газон, а мой черный костюм был вечно весь пропитан потом. Трубы тоже нагревались – я все время выкручивал холодную воду до упора и получал в ладони лишь тепленькую струйку. В общем, я обрадовался, когда в августе похолодало и вода пошла ледяная.

Приспустив душащий галстук, я посмотрелся в зеркало. Там без изменений, лицо мелкого московского клерка. Черты не то чтобы очень фотогеничные: нос слегка кривоват и мог бы быть потоньше, челюсть была бы контурной, если бы не лишний вес, на правой щеке выщербина от ветрянки, глаза темно-зеленые, но иногда становятся карими. Под ними синяки, лицо осунулось. Некрасивые раковины ушей, которые я прятал под русыми волосами, в них уже были видны первые проблески седины. Летом они выцветали до пшеничных, а зимой становились почти серыми. Гладкое бритье, хотя в отличие от обычных «органов» у нашего руководства не было заморочек по поводу бороды. Рост – пять сантиметров

не дотянул до Кремлевского полка. В целом не красавец, но неплохо сохранился для своих тридцати трех и иногда ловил взгляды девушек на улице. К сожалению, не только девушек, всякая московская нечисть тоже на меня смотрела и нередко знала, где я работаю. Из плюсов работы в МПД: тебя, скорее всего, не сожрут по беспределу, как обычных москвичей, попавшихся под руку, лапу, щупальце или бесплотный призрачный отросток. Из минусов: тебя спокойно сожрут при выполнении рабочих обязанностей. Я не сдержался и опять заревел. Хорошо, что в туалете я был один.

Дневник парнишки все не шел у меня из головы. Своей любовью к городу, книгам, наивностью какой-то и аналитическим складом ума он напомнил мне меня до инициации. Только мне повезло, и я до этой инициации дожил, а он сожран очередной нечистью, про которую мы знали, что она нечисть и жрет людей, но ничего не могли сделать, так как не получалось поймать за руку. Вся наша деятельность вообще была сродни попыткам зажать воду в кулаке: на пару сотен сотрудников министерства приходились десятки тысяч московских бесов-старожилов, и я даже не говорю про прибывающих и гастролеров. От того, чтобы сожрать нас и устроить кровавый пир в городе, их отделяла всеобщая разобщенность, грызня между собой, отсутствие единого лидера и Пакт. И почти все знали, что им грозит за его нарушение, поэтому действовали тайком, на окраинах, ночью или прямо в своих квартирах, пожирая незадачливых курьеров или

сантехников. В целом же уровень потусторонней преступности оставался стабильным – узкой группке наших оперативников едва-едва удавалось поддерживать видимость контроля в пределах ТТК.

Я протер раскрасневшиеся глаза водой, покинул туалет, завернул на лестницу и медленно (работать не хотелось) спустился на два этажа ниже, где располагался наш кабинет. По дороге встретил Мечникова – гордость Московского отделения. «Гроза Покровки», «кошмар гастрологов» и прочая, у него много прозвищ, о нем много восторженных эпитетов. Недавно он раскрыл новое резонансное дело. Мечников куда-то спешил и даже не обратил на меня внимания.

На стене у выхода на лестницу висело масштабное батальное полотно, посвященное «Воробьевому побоищу». А. Н. Оленин, тысяча восемьсот двадцать шестой год. Тогда много чего происходило – повесили и отправили в ссылку декабристов, короновали Николая I, Российская империя приросла турецкими владениями, заморозили строительство Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. По официальной версии – из-за грунтов. На деле же здесь случилась последняя крупная битва с народниками. После этих событий церковь потребовала перенести стройку с оскверненного холма на привычное место храма у «Кропоткинской».

Яркими масляными красками картина изображала сотрудников тогдашнего министерства, как и сейчас, они были без мундиров, одеты в гражданское. В империи тогда вооб-

ще сошла мода на мундиры, мужчины облачились в английские костюмы, так что наши везде смотрелись органично, как денди. Похожие на каноничного Пушкина из учебника литературы, мужчины в черных сюртуках и высоких шляпах дрались на строительной площадке с десятками существ из русского фольклора.

Громадный жердяй насаживал на руку-ветку агента и высоко поднимал его над землей, пока тот безуспешно пытался зарубить живое дерево саблей. Красивая и мертвенно бледная девушка-полудница с серпом, обогренным кровью, чем-то похожая на богиню Кали, падала от меткого выстрела из полутораметрового кремневого ружья стрелка, притаившегося у основания недостроенной колонны. Китоврас топтал копытами лежавшего в пыли юнца, с которого слетела шляпа. В это время в китовраса целились из пистолетов еще двое «пушкиных», один из них на вздыбившемся от ужаса коне.

Хрестоматийная картина, ее все неофиты видят в учебниках.

Пока я был на встрече с руководством, в коридоре закончились работы, монтажники сняли защитные пленки и ушли. Другую стену теперь украшала копия знаменитого документа из Петербурга об основании нашей организации. Я читал его сто раз, но живьем никогда не видел, поэтому притормозил и принялся изучать секретное приложение к «Манифесту о министерствах» во всей причудливости его дореволюционного русского.

Божією Милостію
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
Императоръ и Самодержецъ
всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая

Благоденствіе народовъ, премудрымъ промысломъ Скипетру Нашему ввѣренныхъ, ѣсть священная и главнѣйшая цѣль, которую Мы поставили Себѣ, принявъ бремя царствованія надъ обширною Имперією Россійскою, – надъ Имперією, которая столь же разнообразна климатами, мѣстными выгодами и естественными произведеніями, какъ и обитатели ея религією, нравами, языками и образомъ жизни. Воспламененные ревностнымъ желаніемъ изыскать и употребить всѣ удобныя способы къ скорѣйшему и благопоспешнѣйшему достиженію сего, столь драгоцѣннаго сердцу Нашему предмета, устремили Мы вниманіе Свое на всѣ причины и обстоятельства, содѣйствующіе или препятствующіе оному, и по строгому испытаніи и сравненіи ихъ между собой, твердо увѣрились, что благоденствіе народа незыблемо и ненарушимо утверждено быть можетъ тогда единственно, когда Правительство будетъ имѣть спасительные средства не только исправлять всякое явное пагубными слѣдствіями обнаруживаемое зло,

но въ особенности искоренять самое начало онаго, отвращать всѣ причины, могущіе создать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія, открывать нужды народа, предупреждать ихъ, и благоразумно, ревностно и дѣятельно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго во всемъ порядка, и умноженію богатства природныхъ и искусственныхъ произведеній, основаніемъ силъ и могуществу Имперіи служащихъ.

Слѣдую внушенію сердца Нашею, слѣдую великому духу Преобразователя Россіи Петра Перваго, оставившаго Намъ слѣды Своихъ мудрыхъ намѣреній, по коимъ старались слѣдовать достойныя его преемники, въ сѣй день Мы заблагорассудили раздѣлить Государственные дѣла на разные части, о чемъ Мы ранѣ оповѣстили Правительствующій Сенатъ и народы Имперіи Россійской.

Части сіи слѣдующіе:

1. Военныхъ Сухопутныхъ,
2. Морскихъ Силъ;
3. Иностранныхъ Дѣлъ, по которымъ дѣла производятся въ первыхъ Государственныхъ коллегіяхъ;
4. отдѣленіе Юстиціи;
5. Внутреннихъ дѣлъ;
6. Финансовъ;
7. Коммерціи, и
8. Народнаго Просвѣщенія.

Однако, не все обнаруживаемое зло постижимо

и не все зло матеріально, и можетъ быть искоренено самыми вѣрными Нашими слугами. Членамъ Непремѣннаго совѣта уже широко извѣстно о бѣсовскихъ проявленіяхъ въ столицѣ Имперіи Нашей, равно какъ и въ древнемъ сердцѣ Россіи, Москвѣ. Злочинства, творимые непостижимыми человѣческому уму плотными и безплотными діавольскими созданіями вызываютъ у Насъ высочайшую тревогу о благосостояніи нашихъ подданныхъ.

Посему Мы повелѣваемъ тайно приступить къ формированію девятаго, тайнаго Министерства Бѣсовскихъ Дѣлъ съ отдѣленіями въ Санктъ-Петербургѣ и Москвѣ. Возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность Графу Николаю Ивановичу Салтыкову, Предсѣдателю Непремѣннаго совѣта и представлять Намъ докладомъ результаты дѣятельности еженедѣльно. Въ виду чрезвычайной деликатности и секретности мѣропріятія, въ существованіе Министерства должно посвятить только и исключительно высшіе чины Министерства Внутреннихъ дѣлъ, отдѣленія Юстиціи и Святѣйшаго Синода.

Министръ Бѣсовскихъ Дѣлъ долженъ имѣть непрерывное сношеніе со всѣми мѣстами подъ управленіемъ его состоящими, и быть свѣдущъ о всѣхъ дѣлахъ, которые въ нихъ производятся. Онъ также долженъ имѣть сношеніе съ Министерствами Внутреннихъ дѣлъ, отдѣленіемъ Юстиціи и Святѣйшимъ Синодомъ для совмѣстной защиты

Нашихъ подданныхъ отъ злодѣяній бѣсовъ. По сему каждое мѣсто обязано посылать къ своему Министру еженедѣльные меморіи о всѣхъ текущихъ дѣлахъ, о дѣлахъ же затруднительныхъ, или скорого рѣшенія требующихъ особенные представленія. Министръ сообразивъ всякое дѣло съ пользою и выгодами всѣхъ частей ему ввѣренныхъ, если найдетъ за нужное, дѣлаеть свои замѣчанія, а на представленія даетъ рѣшительные отвѣты, и какъ сіи послѣдніе, такъ и первые сообщаетъ предложеніями.

Мы имѣемъ лестную надежду, что оно споспѣшествовать Намъ будетъ къ утверженію народнаго спокойствія, сего истиннаго и ненарушимого оплота Царей и Царствъ, къ сохраненію и возвышенію общаго всѣхъ благосостоянія, и къ воздаянію каждому должнаго отъ лица правосудія.

* * *

Я тяжело плюхнулся в черное протертое офисное кресло на колесиках и уставился в ноутбук. Работать не хотелось – бессонница, уставшие от слез и текста глаза, апатия. Капучино с добавлением эспрессо с утра не помог, я оставался абсолютно разбитым.

– Что, Дима, тяжело тебе? – поинтересовался насмешливый женский голос.

Женька. Офисный разнорабочий, совмещавшая функции

личного помощника руководителя отдела аналитики, секретаря, координатора межотдельных процессов и завхоза. Поленькая низкая блондинка с едким чувством юмора и полным непониманием концепции личных границ и персонального пространства. Рассказывает все о себе, особенно когда не просишь, не стесняется никаких вопросов о тебе. Шумная, экспрессивная, громко ржет и мешает работать. Если, не дай бог, в наш кабинет заходила другая женщина, любящая поболтать, работа вставала на час. Если б я интересовался, что она там про себя рассказывает, собрал бы уже полное досье на нее: куда ходит, с кем спит, за кого голосует. Но Женьки было так много, что мне было пофиг, большую часть времени я улыбался и делал вид, что слушаю, а иногда отпускал какую-нибудь издевку в ответ для поддержания видимости общения. Единственное, о чем она не распространялась, – как попала к нам. Коллеги из других отделов тоже не знали.

– Уже легче, ведь ты обратила на меня взгляд – и все вокруг засияло, – ответил с ухмылкой, делая вид, что все нормально.

– Не, мое сердечко занято. Но ты как, нашел себе кого-то наконец-то? Такой мужик пропадает...

Справа от меня раздалось сдавленное хмыканье. Наш офисный зумер Леша. Тоже аналитик, как я. Сын полка, можно сказать, в министерстве с шестнадцати лет. Парню едва исполнилось двадцать, и он реально был, как с другой планеты, как по интересам, так и по общению. Ему с нами,

видимо, тоже было тяжело, так что большую часть времени он молчал. Ну или он просто был социофоб. А еще наверняка сказывалась психологическая травма, ведь, когда ему было двенадцать, его родителей на даче сожрала тварь, прикидывавшаяся деревенской бабкой. А Леша не испугался, смог выбраться из дома, закрыл все ставни и двери, облил бензином и поджег, уничтожив монстра. А таким не каждый оперативник мог похвастаться. К счастью, буквально в полукилометре от места событий, на речке, отдыхал тогда один из наших сотрудников. Так что парень попал в нашу спецшколу, а не провел остаток жизни в детских домах и психушках, как заканчиваются большинство таких историй. А аналитические данные у Леша хорошие. Хороший преемник.

– Вас все жду, Евгения Александровна. А ты, Леша, хоть бы раз меня поддержал. Она на меня нападает и нападает. Где твоя мужская солидарность?

Александровна, конечно, выдуманное отчество. Как и у многих из нас. В министерстве мы пропадали с радаров, обзаводились новыми документами, кому-то даже делали пластическую операцию. Как программа по защите свидетелей, только мы и судьи, и правоохранители, и скрывающиеся свидетели в одном лице.

Леша молчал, Женя ржала на всю комнату.

– Ты видел мем из рабочего чатика? – перевела она тему.

Я зашел в чат и открыл картинку, на которую поставила лайк уже половина министерства.

Там редкое фото, сделанное недавно на особую камеру наблюдения в подъезде на окраине Москвы. Опасная тварь с остроумно данной кем-то кличкой Американец. Все из-за вечно-широкой улыбки. Американец готовился атаковать жертву: пасть распахнута, внутри сотни мелких острых клыков. Глаза при этом прищурены, щеки напряжены, как у зевающего. Подпись к картинке: «Твое лицо, когда поздно лег спать».

Я сдался и засмеялся. Женя залилась еще сильнее. Леша спрятал ухмылку в кулак. Я сунул в уши наушники, показывая, что разговор окончен и пора работать. Ладно. Немного почитаю архивное дело и вернусь к работе. Обещаю. Ленинград. Петербург. Город, где я первый раз встретил Леру, первый раз услышал ее яблочный парфюм DKNY.

**Приложение к делу № 10046-
ВО: о нарушении Пакта № 43**

*Из доклада и. о. главы ленинградского отдела
ЧКПД Барченко А. Д. от 27 февраля 1944 года*

Прошел месяц с момента снятия блокады Ленинграда. Город понемногу возвращается к жизни, но обстановка в колыбели трех революций продолжает оставаться чрезвычайно

нестабильной. По засекреченным пока данным, за восемьсот семьдесят два дня блокады в городе и вокруг него погибло около миллиона человек. Из них гражданских – до шестисот пятидесяти тысяч. Из этого числа большинство – от голода. Если перейти на несколько уровней секретности выше, к статистике ЧКПД, получается, что минимум семнадцать процентов этих потерь вызваны действиями потусторонних сил. За время блокады количество потусторонних правонарушений и преступлений выросло почти в сто пятьдесят восемь раз, а количество наших сотрудников, учитывая неболевые потери, снизилось в пять.

И без того малочисленная после Гражданской войны Ленинградская чрезвычайная комиссия практически перестала существовать, на данный момент в ней осталось лишь полтора десятка сотрудников, из них с опытом оперативной работы – семь, включая меня. Непоправимый урон нанесен архивам. Большая часть сгорела в тысяча девятьсот сорок третьем при случайном попадании немецкой бомбы. Еще часть бумаг попытались эвакуировать в начале блокады, самолет был сбит, документы то ли уничтожены, то ли достались немцам. Таким образом, множество наблюдаемых или разыскиваемых РПО просто выпало из нашего круга зрения, а данные о них утрачены как документально, так и вместе с погибшими сотрудниками. Это не говоря о сотнях новых, вылезших на запах смерти на улицы города. И даже новых гастролерах с немецкой стороны.

Ситуацию можно охарактеризовать как катастрофическую: налицо масштабное и всеобъемлющее нарушение Пакта, а правопорядок просто перестал существовать. До этого мы сталкивались с таким лишь дважды – в революцию тысяча девятьсот пятого года и в Гражданскую войну. Но представляется, что те события уступают нынешним по масштабу.

Прогнозируется, что с возвращением в город мирной жизни неконтролируемая высокая активность потусторонних сил вызовет неминуемые вопросы и обращения гражданских лиц. Прошу Московский отдел ЧКПД оказать всестороннюю поддержку по восстановлению деятельности Ленинградской комиссии в кратчайшие сроки с целью принуждения потусторонних сил к исполнению Пакта.

*Из записок оперативника ЧКПД
Барченко А. Д. От 1 января 1942 года*

Блокада продолжается уже больше ста дней. Сегодня ночью люди отмечали Новый год. И твари тоже пировали на славу в этом умирающем городе.

Пир во время чумы во всех смыслах. Маленький новогодний, возможно, последний пир замерзающих ленинградцев, получивших к празднику увеличенные пайки. И большой пир нечисти, уже практически не скрывающейся в творящемся аду. Когда с улиц ежедневно увозят сотни окочеч-

невших трупов, когда топить больше нечем и замерзаешь насмерть в ледяной квартире, когда людей вокруг косит потеря калорий от ходьбы до дома из вставшего трамвая, когда соседу отрывает ноги немецкой бомбой, когда товарищ по цеху просто ложится в постель и не встает больше, когда все это вокруг, никто не удивляется и не боится больше смерти.

Один кровосос так обнаглел, что стал вчера при мне пить упавшую старуху средь бела дня, прямо на Большой Конюшенной. Наверное, пуля в затылок его удивила. И даже на это никто из прохожих толком не отреагировал – обернулись да и побрели дальше по своим делам. Подчищать сил и ресурсов у меня не было, да простит меня ленинградская милиция, которой я подкинул лишней работы и очередной висяк. Лишь закинул тело в ближайший открытый подвал да и поспешил по своим делам.

Уже месяц я пытаюсь поймать гастролера: на запах войны, крови и смерти вместе с немцами в наш город пробрался Крампус, или, говоря по-русски, охотящийся на детей рождественский черт. В царящем хаосе никто и не заметил бы его прибытия, если бы он не утащил ребенка моего коллеги, Вила Захарова, прямо из колыбели. На следующий день Вил сообщил руководству комиссии о произошедшем, вышел из штаба и пропал. Все сходятся во мнении, что он отправился на охоту за чертом и не вернулся. Дело отдали мне.

Я поднял милицейские сводки и обнаружил целую вереницу подозрительных новостей, как я и предполагал, особен-

но много их в ночь на шестое декабря – пропавшие дети, рядом здоровые дети, но умершие за одну ночь от обескровливания, еще одному младенцу обглодал кто-то ночью ногу (хотя это могут быть и крысы), а вот некая гражданка Зихтова божится, что видела мохнатую лапу, утащившую младенца в разбитое окно (если мы когда-нибудь доживем до мирного времени, надо будет к ней навеститься для вербовки). В городе множатся аресты за каннибализм, аресты вполне себе реальных людей, потерявших последнюю грань человечности. Так что, сколько детей на счету у моего гастролера, посчитать сложно. Точно знаю, что немало.

Который день я прочесываю коллекторы, подвалы и чердаки в поисках места, где тварь могла свить себе гнездо. Обстановка ухудшается. На католическое Рождество только в Кировском районе зарегистрирована пропажа десяти детей. По городу начинают ползти слухи, а я ни на сантиметр не приблизился к поимке. Начинаю уже подумывать об охоте на живца – принести младенца в какой-нибудь подвал да устроить засаду.

*Фотокопия статьи Encyclopaedia
Daemonica, 1932 год, переводное издание,
Ленспецпечать, перевод Блюхера А. В*

Крампус (нем. Krampus, австр. Klaubauf)

Прямоходящий бес из альпийского региона. Рост от ста

до ста пятидесяти сантиметров. Твердый шерстяной покров, окрас чаще всего черный, встречаются и другие варианты. Морда напоминает козлиную и защищена шерстью, глаза похожи на человеческие. Голова обычно имеет два небольших завивающихся рога и острый подбородок с бородкой, во рту расположен длинный кинжалообразный язык. Верхние лапы схожи по строению с человеческими, четырехпалый; нижние оканчиваются раздвоенными копытами. Питается мелкими и средних размеров дикими и домашними животными, человеческими детьми. Особенно активен в охоте первую неделю декабря, что связано с приходом ранних сумерек и началом рождественских празднований в Альпах. Вьет гнезда в темных и труднодоступных местах – пещерах, подземельях, на чердаках заброшенных домов. Отдельные особи были замечены в ношении колокольчиков. Впервые описан монахом Йоханнесом Пройслером в четырнадцатом веке. В австрийском фольклоре является спутником и одновременно антиподом Святого Николая: наказывает плохо ведущих себя детей, похищая особо провинившихся и съедая их в рождественскую ночь.

* * *

Работать мне было тяжело, да уже и не очень интересно. Меня съедала депрессия, что не давала нормально функционировать, но я старался держаться бодрячком – ревел в

туалете, потом выходил и улыбался всем, делал вид, что все нормально, пытался забытья в работе. Только начальство знало, что я попросил перевестись в оперативники, а сейчас готовился к экзаменам.

Странная штука жизнь. От смерти меня спас тот дневник паренька с шизофренией.

Я долго думал, как сделать это. Вышибить мозги из пистолета? Вдруг рука дрогнет, останусь в живых овощем-инвалидом. Выпрыгнуть из окна? Броситься под поезд? Неэстетично это все, да и тоже можно выжить. Повеситься? Как-то не хотелось, чтобы из петли вынимали мой обделавшийся труп.

Поэтому я решил уйти красиво. Набрал ванную с теплой водой, включил специально собранный плейлист, налил бокал зинфанделя, закинулся таблетками и полоснул себя вдоль запястий. Чтобы наверняка. Лежать надо было минут пятнадцать, так что я стал в последний раз скроллить телефон. Не соцсети, нет, прощаться было не с кем. Смотрел какие-то старые фотки с Леркой, поглядывал на часы, перелистывал треки на любимые места.

И тут мне пришла рабочая почта: «Гляди, какой парнишка забавный». И вложение – текстовый файл, озаглавленный «О некоторых особенностях моей работы и странностях Москвы». Сначала я хотел удалить, не глядя, но потом почему-то начал читать. Начал и понял, что хочу узнать, чем закончится его история. Тогда я тяжело вздохнул и выбрался

из ванной, чтобы выbleвать таблетки, попутно измазав кафель и белый унитаз кровью из слабеющих рук.

Зачем я стремился в оперативники? Искал опять смерти? Наверное. Надоела офисная рутина и сравнение себя с великим предком? Тоже да. Хотел отомстить? Немного, но сам понимал, что это все бессмысленно, да и мстить было некому. Ни одна другая смерть до этого мне так не была по башке, я стал относиться к своей жизни проще: как ни крути, у нас, людей, короткий век и один выход, ногами вперед, либо от естественных причин, либо не очень. Это те, другие жители Москвы, которых мы в шутку звали мертвичами, могли жить столетиями, еще и убивая таких, как я. Или Лерка.

Так что я давил апатию и скуку, отвлекаясь чтением, – изучал дневники моего деда из архива. Еще это обязательное чтение для всех оперативников и часть программы их подготовки, так что это было нужно для будущих экзаменов. Методы самого известного Барченко в нашей династии помогли ему отловить за карьеру десятки гастролеров и тварей, нарушивших Пакт, а еще пересоздать Ленинградское отделение и вырастить сына, который унаследовал дар и тоже стал оперативником, погибшим при исполнении, когда мне было десять. И лишь я просидел полжизни штабной крысой в здании министерства, занимаясь мониторингом и работой с архивами и изъятой документацией.

Где-то в глубине души я вновь хотел обрести вкус к жизни.

Я наконец-то заставил себя приступить к обязанностям по мониторингу СМИ. Оперативников у нас всегда не хватало, поэтому о многих преступлениях всякой нечисти мы узнавали из новостей. Ну как узнавали, временами натыкались на какие-то следы нелегальной бесовской активности в перверстных донельзя новостях, а потом решали какие-то из них проверить и разработать. Как в «Людах в черном», когда Томми Ли Джонс набирает в ларьке пачку бульварной прессы и находит там подсказку о местонахождении пришельца.

Забавно, что и в третьем десятилетии двадцать первого века это работало. Соцсети, форумы и... бумажная пресса. Я регулярно шел в ларек и покупал свежие выпуски «Планеты криминала», «Криминального вестника» и «Тайн Москвы». Содержание их настолько желтое, специфичное и «узкоспециализированное», что никто даже не заботился о том, чтобы завести онлайн-версии или выкладывать что-то в соцсети.

В тот день мое внимание привлекли две истории. Сначала поиск не дал никаких результатов, я по привычке забил в строку «москва монстр» и сделал фильтр новостей за прошедшую неделю, но в рекомендованных оказалась лишь статья «Почему Москва – монстр? Как столица высасывает соки из всей страны» от одного известного уральского издания.

Следом я просмотрел форумы и соцсети в закладках, там тоже было пусто, за исключением моей любимой анонимной клоаки, где присутствовал раздел про сверхъестественное.

Его содержание представляло собой неконтролируемую и неповторимую мешанину из городских легенд, выдумок начинающих графоманов, переводных западных страшилок, стеба и черного юмора, видоизменяющихся баянов времен зарождения интернета, и прочая, прочая. Найти что-то дельное там было весьма сложно, однако в треде «реальных историй, случившихся с аноном» я регулярно вылавливал что-то заслуживающее внимания.

Вот и тогда, отмотав полсотни постов с локальными по-стироничными мемами на тему ужасов, срачем на пустом месте и нерелевантным обсуждением нового голливудского хоррора, я обнаружил следующее сообщение:

«Сап снач. Надеюсь, ты достаточно ночной. Уж прости, что пишу не про палочника, поповаву и болотные механизмы, но это тред реальных историй, и эта реальная история произошла со мной. Я в ахере и не знаю, что делать. Честно, я первый раз в разделе, так как всегда был жутким скептиком и всегда смеялся над паранормальщиной, несмотря на то, что живу рядом с Калитниковским кладбищем (на Скотопрогонной улице, лол. Там рядом еще диспансер для шизанутых для полноты картины). Но похоже, что рядом со мной поселилась НЕХ, мало того, она знает, что я ее в чем-то подозреваю. Без долгих

подводок: у меня появилась новая соседка, тянучка лет двадцати. Только взгляд у нее, как у старухи, а по ночам из-за стенки я теперь все время слышу то детский смех, то плач, хотя детей у нее нет...»

Дальше шло еще несколько абзацев текста, но я уже понял, что история стоит более глубокого изучения. Во-первых, описание нечисти было весьма знакомым, во-вторых, что редко для подобных историй, тут был указан район и практически адрес дома (я полазил в картах и обнаружил, что на Скотопрогонной всего несколько жилых домов). Сохранив текст и ссылку в отдельный документ, чтобы вернуться к нему позже, я перешел к своему любимому занятию – листанию свежей стопки журналов.

На меня обрушились кричащие желтые, красные и черные цвета, нарочито старомодный дизайн из девяностых, едкий запах дешевой типографской краски на копеечной тонкой бумаге и смесь смешных и кровавых заголовков с фото трупов и голыми девицами. Кайф! «Грядет суд над Гузеевой», «Матричные амулеты от ведуньи Светланы», «Грев красной зоны: пособие молодого бойца», «Вампиры и Сталин: как большевики переливали кровь молодняка», «Высоцкий оказался агентом ЦРУ, Элвис – ГРУ» – от каждого заголовка я заходил в беззвучном смехе, чтение этих журналов было моей отдушиной. Однако слишком веселиться и отвлекаться на голые груди было нельзя, пропустишь что-то важное. «В две тысячи четырнадцатом Януковича спасли от жерт-

воприношения?!», «За кикимору ответишь», «Был пацан, а стал пес», «Зверства в московском лесопарке». Так, стоп. Последние две – уже интереснее. Я углубился в чтение.

«Двое получили тяжелые ранения, и еще один человек погиб в результате нападения бешеных собак. Вечером четырнадцатого июля в ОМВД Соколиная гора поступил звонок от местной жительницы, сообщившей, что во дворе дома номер тридцать семь по Ткацкой улице раздаются душераздирающие крики. Прибывшие на место сотрудники правоохранительных органов застали следы настоящей бойни: три собутыльника практически без сознания в рваных укусах и лужах крови. Перед госпитализацией один из пострадавших сообщил собравшимся на крики жильцам, что на присевших отдохнуть с бутылочкой крепкого товарищей напал их друг Леха... обратившийся диким псом! Примечательно, что Алексея Хунда действительно уже двое суток не было дома. „Бывало, что на неделю в запой уходит и не объявляется, вернется, куда он денется“, – прокомментировала его жена Марьяна. Напомним, что это уже не первое нападение диких собак на жителей столицы на этой неделе, ранее префект Москвы по ЮЗАО высказался за возвращение практики уничтожения бездомных собак и котов. А может, у нас завелись оборотни?!»

Материал сопровождала фотография предполагаемого оборотня, сделанная на телефон с плохой камерой. С нее

смотрел исподлобья мужчина с глубоко и широко посаженными глазами, толстым носом и темными волосами, собранными в пучок. Неприятное лицо, похож на айтишника.

И параллельная новость уже в другой газете, буквально парой строк:

«В редакцию сообщают, что в московском заповеднике „Лосиный Остров“ завелся дикий зверь, скорее всего, волк. Местные жители в страхе: то и дело натываются на разорванные трупы диких и домашних животных и слышат по ночам душераздирающий вой. После пропажи подростка замкадную часть „Лосиного Острова“ якобы собираются закрыть для посещения до прояснения ситуации, а на поиски зверя и ребенка отправлены представители правопорядка, охотники, поисковые отряды и сотрудники московского зоопарка. В полиции не комментируют происходящее, не под запись один из стражей порядка призвал не связывать пропажу подростка с информацией о поселившемся в городе хищнике».

Я кинул взгляд на карту города. В тех краях мне бывать не приходилось, но подозрения подтвердились: от Соколиной горы до «Лосиного Острова», нередкого пристанища нарушивших закон хищников, по прямой всего несколько километров, через которые проходят и другие зеленые зоны. Похоже, наш друг Леха напал на корешей и сбежал в лес.

Недолго думая, я отсканировал заметки и переслал их оперативникам с темой письма: «Совпадение? Не думаю!»,

после чего вернулся к форумной записи. И в этот момент мне наконец-то скинули рапорт, который я с интересом ждал.

* * *

*Заместителю начальника
ГУ МВД России по г. Москве
генерал-майору полиции
В. И. Тимофееву*

Рапорт

Докладываю, что 26.08. в 22:00 в составе оперативной группы я прибыл на усиление по вызову старшего следователя по особо важным делам Игнатовой А. Л. по адресу Неглинная, 14, стр. 3–7, «Сандуновские бани». Мои вопросы о сути вызова Игнатова ~~нагло проигнорировала~~ предпочла проигнорировать, потребовав немедленно «собрать людей и ждать у входа» в банные помещения, эвакуировать гражданских и оказать поддержку в случае, если мы услышим крики или выстрелы. Около 00:00 старший следователь Игнатова со своим напарником, младшим следователем Хакимовым М. И., переодевшиеся в плавательные костюмы, вошли в помещение бань. С собой они имели табельное оружие,

алкогольные напитки и закуски.

00:22 27.08. из помещений были зафиксированы крики, затем выстрел. В составе пяти человек – меня и рядовых Борисова, Волкова, Саргсяна и Нефедова – мы срочно выдвинулись на место стрельбы, обнаружив, что из помещения продолжают доноситься крики, а свет выключен. Внутри бани находилась паникующая следователь Игнатова и младший следователь Хакимов в крови, с тяжелыми повреждениями кожного покрова (по характеру ран можно предположить, что они были нанесены тем же предметом, что и в прошлых трех убийствах). Незамедлительно мы были атакованы неустановленным образом. Одновременно я был с силой отброшен в стену, вследствие чего потерял сознание от удара. В то же время рядовой Борисов был ~~деканитити~~ обезглавлен ударом неустановленного оружия.

Когда я пришел в сознание, то обнаружил, что рядовые Волков и Нефедов ~~погибли~~–убиты посредством нанесения колото-резаных ран, а Саргсяну оказывается срочная медицинская помощь путем переливания крови. Я был допрошен о произошедшем непредставившимся представителем отряда специального назначения (он отказался назвать звание и подразделение), после чего госпитализирован в силу получения травмы: множественных переломов ребер. Местонахождение и дальнейшая судьба следователя по особо важным делам Игнатовой мне

неизвестны.

#####

УМВД России по г. Москве

#####

Младший лейтенант полиции

Реминисценция. Огонь

Все пылало. Сегодня на пепелище начнется новая история, но многие сражавшиеся, да и языки огня, ничего не знали о перемирии и продолжали свое дело.

Посреди хаоса, пламени, криков о помощи и разрушений то и дело еще случались стычки министерских с жителями другого, невидимого города. На Собачьей площадке он увидел, как кавказский вампол, огромный трехголовый гигант, размахивал дубиной, отбрасывая от себя толпу со штыками и рогатинами. Против рогатин он бы выстоял, но сзади подбежали стрелки и дали залп, гигант упал на одно колено. Не жилец.

За соседним углом парочка волколаков прижала к стене горячей лавки раненого человека, он отмахивался из последних сил саблей, но оборотни не торопились и выматывали жертву. Тело еще одного волколака лежало посреди улицы, хотя бы одного человек утащит с собой в могилу.

Другие спасали себя и свои сокровища. Из двери еще пока целого трактира неожиданно выскочили маленькие чело-

вечки-спорники, носители цыганской удачи, они спасали от огня сундук, набитый дорогой одеждой и украшениями, вываливающимися из-под незакрывающейся крышки. За ними следом побежали еврейские домовые-шрейтелехи, причитая о несправедливой судьбе и воздевая ручонки к небу.

Он шел в сторону Кремля медленно, наслаждаясь зрелищем и упиваясь смертями и несчастьями. В огненном вихре погибали дворцы и лачуги, купеческие ряды и иностранные посольства, огонь сжирал деревянные хибары и добротные каменные дома, перекидывался с ветром на пороховые склады и погосты. Москва горела.

Из одного пылающего дома на улицу вдруг вывалилась баба с пустым ведром и осатаневшими глазами, дура пыталась затушить пожар. Он поймал ее за шею и выпил до дна, смотря в глаза и наблюдая, как их покидает жизнь.

Она бы никогда не узнала, что ни у какой воды не было шанса. Город поджигали польские огненные птицы, рароги. Ведьмы высиживали их из яиц на печи девять дней и девять ночей, готовясь к решающей битве. Теперь их нечистые порождения носились над городом, поджигая крыши и стены пламенеющими перьями и огненными струями из клювов.

Но и рароги падали от метких выстрелов министерских стрелков. Битва продолжалась три дня и три ночи, и к концу второго стало понятно, что люди не проиграют, но и сил выиграть ни у одной стороны не было. Надо будет договариваться.

Наконец, он дошел до Красной площади. Центр города был пуст, а ворота Спасской башни распахнуты настежь. Он миновал ворота, пришел к установленному месту и теперь его бледно-серые, очень старые и уставшие глаза, казалось, смотрели почти равнодушно на то, как две группы переговорщиков скрепляют кровью устные правила, которые определяют их существование на ближайшие годы, а может быть, и столетия. Они не проиграли, это был компромисс, но компромисс с людьми – все равно что унижительный проигрыш. Не все согласились с таким положением дел и теперь будут изгнаны, преданы забвению и, может быть, смерти.

Эти новые люди, люди, которые их *видели* и объединились, оказались смелы, находчивы и зубасты. А еще готовы спалить свою древнюю столицу и умереть, лишь бы не сдать-ся. И таким, как ему, с бледно-серыми глазами, пришлось отступить. Сначала пришлось самим объединиться в войне против людей, чего никогда не бывало, и это был уже первый момент слабости. А потом, потеряв слишком многих, стать уже совсем слабыми и пойти на мир и переговоры, согласиться на поставленные людьми условия и даже предать непримиримых своих.

Люди назвали это Пактом, изложили правила и теперь скрепляли их красной кровью. Кровью, но уже других цветов, скрепляли перемирие и переговорщики с их стороны. Он знал, что переживет всех этих переговорщиков, уж с людской стороны точно. Он пил еще тех, кто называл себя вя-

тичами, он был ночным кошмаром их детей, ему даже идо-
лы ставили и делали у них жертвоприношения, пытаясь за-
добрить. Он пил тех, кто называл себя монголами, их пол-
чища принесли сюда свои ночные кошмары, но и монголы,
и пришлые кошмары оказались слабей и поклонились ему.
Он никогда себя не сдерживал, но теперь, теперь, после этих
договоренностей, придется!

Последний переговорщик капнул кровью в землю. Пакт
состоялся, он увидел это своими бледно-серыми глазами.
Больше было нечего делать на этом пепелище города и их
гордости. Прочь из Москвы.

Глава III. ФГУП Хогвартс

Агафья очнулась ближе к вечеру, солнце за окном уже заползало за панельки.

Место было незнакомым. Что-то среднее между больничной палатой и казармой из кино про американских военных. Неоткрывающееся окно без форточки, стул с неудобной железной спинкой, простенькая койка, пара деревянных шкафов, тумбочка и раковина с унитазом из нержавейки. Дверь в палату с небольшим окошком скорее, чтоб подсматривать за ней, а не смотреть наружу. Все в белых цветах. Судя по пейзажу на улице, она где угодно за пределами Третьего кольца.

Игнатовна с трудом приподняла голову, та сразу отозвалась болью. Ее вещи исчезли, кто-то передел ее в темные тренировочную кофту и шорты. Рассеченная обдерихой нога была крепко перебинтована.

«Стоп, обдерихой? – в голове пронесся ворох воспоминаний. – Это все реально было или привиделось?»

Она со стоном села на кровати. Нога саднила, а голова раскалывалась: в ней расцветало какое-то новое, доселе незнакомое ощущение – словно весь мир немного переменялся, заиграл другими красками, словно кто-то подкрутил четкость изображения и резкость восприятия, словно раньше она плавала в мутной воде, а сейчас впервые увидела мир

по-настоящему. И от этой незамутненности было нестерпимо. Агафья еле дохромала на больной ноге до унитаза и упала на колени, ее несколько раз вырвало.

Она доковыляла назад до койки и снова отключилась. Закрывая глаза, она заметила небольшую камеру слежения в углу под потолком.

Луч солнца слегка коснулся ее глаз.

– Хакимов, ну закрой шторы, я же сплю. У меня выходной сегодня.

«Хакимов?»

В бане было так нестерпимо жарко, а она не могла поднять голову.

На щеку упало что-то теплое. Она моргнула.

Еще капли на щеки, волосы, плечо, ноги. Одна капля приземлилась в поле зрения. Бордово-красная.

«Мытый-чистый будешь, докрасна отмоешься».

Она с воплем подпрыгнула на кровати и начала безумно озираться. Все та же комната. На тумбочке кто-то оставил щетку с пастой и завтрак – кофе, омлет и пару бутербродов.

Уже лучше. Голова вроде почти не болела, покалывала временами только. Во рту – настоящий хлеб после вчерашнего. Агафья похромала умываться.

«Ок, где ты оказалась?» Жуя бутерброд, она перебирала в голове варианты. Специальный госпиталь при СК? При МВД? Может, ее вообще в психушку положили, а Хакимова прикончила она, слетев с катушек? Нет, здесь что-то иное.

Закончив медленно разжевывать подстывшую еду, Игнатовна наконец добралась до двери. Пора разобраться, где она оказалась. Она взялась за ручку, но дверь не поддалась. Подергала еще раз. Безрезультатно. Покричала и побила кулаками в дверь. Наконец, помахала руками перед камерой и вернулась на койку. Кто-то же здесь есть.

* * *

Той ночью Виктора опять рвали демоны.

Снилось, что он в клетке, пол под ним проваливается и он долго летит вверх тормашками в темноте, наполненной клубящимися красными сполохами. Пытается закричать, но звук не идет, пытается закрыть глаза, но веки прилипли к глазницам и не смыкаются. Наконец, он падает на дно пещеры, где из темноты слышатся дьявольские смешки и хруст костей, а потом что-то набрасывается на него сзади и вырывает сердце из груди сквозь переломанную лопатку. Красная когтистая лапа выходит у него из груди, потом к нему тянутся другие когти и клыки, и начинают рвать на части...

Он проснулся в 5:55 в холодном поту и еще пять минут лежал, приходя в себя, выравнивая дыхание и проверяя под одеялом, что все органы и конечности на месте. На месте. И, как и каждое утро, через несколько мгновений пришло осознание, что он тут навсегда, из «Вологодского пятака» не выходят. Ровно в шесть зажегся свет, заиграла бодрая музы-

ка, понеслись крики: «Подъем!», скрип заправляемых коек и лязганье металлических дверей.

Сквозь крохотную форточку дунул ветерок, занеся в затхлый воздух камеры щепотку озерной свежести. Мужская ИК-5 на острове Огненном в Вологодской области была только для таких, как он, пыжей – людей, осужденных на смертную казнь, замененную пожизненным. С острова не сбегали. А тех, кто пытался, даже в баке ассенизаторской машины, поймали и вернули обратно. И люди здесь менялись, посидев лет десять, начинали видеть ангелов или демонов. У Гриши Картуза камера в бывшей монашеской келье (колония располагалась в зданиях бывшего монастыря), так он говорил, что видит ангелов, святых, просит прощения у душ, им убиенных. Виктор сидел двенадцатый год. Не по делу, она заслужила, они заслужили. И уже неизвестно, сколько ночей его рвали демоны.

Распорядок в «Пятаке» был знаком до боли и доведен до автоматизма. В шесть подъем. Потом время на туалет и заправку спального места. С 6:25 до 6:30 зарядка. Сильно бегать-прыгать не надо, главное – выйти – постоять – проснуться. Полчаса на завтрак, из них вычиталось время на выдачу и сдачу столовых принадлежностей. С семи час на бритье, уборку. Час на утреннюю проверку и осмотр внешнего вида. Потом два часа на прогулку. Любимое время: свежий воздух, сначала по плацу, мимо умиротворяющих двухэтажных монастырских построек с побеленными кирпичными стена-

ми, а потом по зарешеченной железной галерее по периметру острова, мимо вышек с автоматчиками. Если голову поднять, небо видно, главное – не засматриваться. Там и покурить можно.

Дальше помывка, а следом воспитательные мероприятия и медицинский осмотр. В четыре, после обеда и новых отупляющих ежедневных процедур, воспитание повторялось.

Во время вторых мероприятий с улицы донесся скрип ворот, а затем шум двигателей автозака, его не перепутаешь. Но как-то не по расписанию: не тот день, не то время. Арестанты с интересом начали коситься в сторону окон и переглядываться. Нового привезли?

С пяти до шести было личное время. Виктор уже мог смотреть телевизор, после десяти лет разрешалось. Он устал сел на койку, посмотрел в крохотное окошко и попробовал снова вдохнуть озерного воздуха. Когда-нибудь он отсюда сбежит. И завершит начатое с оставшимися. Эта мысль помогала ему держаться и не сойти с ума на «Пятаке». Он взял пульт, время показывать сериал про мента-взяточника и его доверчивую коллегу. Коллега-блондинка напоминала ему...

Окошко в двери резко взлетело вверх. Раздался голос конвоира:

– Чуплинский, одевайся. На выход, без вещей.

– Назови четыре правила Пакта.

– Отказ от охоты на людей в обмен на преференции.

Невмешательство в человеческие политические и социальные процессы. Гарантии взаимного ненападения при условии соблюдения Пакта. Проживание потусторонних сил в соответствии с национальными границами, запрет на перемещение на территорию других государств.

– Что за преференции?

– Например, корм для особо опасных хищных видов, которые желают оставаться в рамках закона и встают на учет. Или для кровопийц: им дозволяется удовлетворять потребности, если не причиняется вред здоровью и психологическому состоянию человека.

– Почему Пакт так часто нарушается?

– Черный Кремль сам с трудом контролирует ситуацию, и, насколько известно, только с ним и можно договариваться. Кроме того, он неоднороден, его башни конкурируют и даже враждуют. Некоторую потустороннюю активность он (по их заверениям) вообще не контролирует, например ряд духов или негативных зон, особенно под землей и в метро.

– Что такое Черный Кремль?

– Коллективный представительный орган потусторонних сил. Умеренные, выступающие за сосуществование видов.

Впервые контакт с ним зафиксирован после московского пожара тысяча восемьсот двенадцатого года, когда противостояние Министерства бесовских дел с потусторонними силами достигло пика и вылилось на улицы городов. Война шла на уничтожение, и обеими сторонами было принято решение заключить мир.

– Как сокрыт в истории факт этой войны?

– Вторжением Наполеона.

– А русская армия была в Париже?

– Да, по запросу французского правительства помогала наводить порядок после аналогичных послереволюционных процессов.

* * *

Спустя непонятно сколько минут или часов ожидания дверь внезапно отворилась и в комнату зашел мужчина с лицом немолодого силовика.

Она подобралась на койке, как кошка.

Черная водолазка, седина, пронзительные синие глаза, внимательно осмотревшие Игнатову. Он присел на стул у койки.

– Агафья Леонидовна, – он произнес утвердительно.

– Я Агата. Кто вы? Где я нахожусь? Что это за место? Где мои вещи? Почему меня тут держат?

– Давайте по порядку обо всем. Терпение.

– Это что, допрос? Дайте мне позвонить! Что с Хакимовым?

Незнакомец сделал паузу и медленно проговорил:

– Если вы будете так засыпать меня вопросами, я не смогу ничего объяснить. Попробуем снова.

– Я...

– По-про-буем сно-ва.

– ...

– Отлично. Итак, меня зовут Николай Борисович. Скажем так, я из одной службы. Вы о нас никогда не слышали. Это не допрос. Скорее, собеседование.

Брови Игнатовой поползли вверх.

– Вы сами догадались про банника?

– Кого?

– Агафья Леонидовна, мы почти все знаем про это дело и точно больше вас знаем, кто убийца. Не играйте со мной. Давайте вы расскажете мне правду?

Взгляд мужчины пронизывал ее, как рентген. Она поежилась и кивнула.

– Ну, так как вы догадались?

– «Энциклопедия русской демонологии». Ее читал Водолазов. Все сходилось.

Николай Борисович чертыхнулся и пробормотал что-то вроде: «Наиздают гражданские, блять».

– Вы помните, что было перед тем, как вы потеряли сознание?

– Я начала мусорить, ругаться, гневить его, как в книге описано. Потом поняла, что не могу двигаться, а эти чудовища начали мучать Хакимова.

Мужчина наклонился ближе.

– Что дальше? Вы видели, во что стреляли? Застали подкрепление?

– Да, эта тварь вылезла из-под лавки... Обдериха? Я пыталась защищаться. Потом ворвалась полиция, они, кажется, не замечали ее. Она убила одного, другого, те начали беспорядочно палить. Дальше не помню... Что такое МПД? Что с Хакимовым?

Николай Борисович вздохнул и помассировал виски.

– Что это было? Я же это видела? Вы мне верите? Вы слушаете это, как будто все нормально, хотя я сейчас рассказываю и сама себе не верю.

Собеседник хмыкнул.

– «Матрицу» смотрели?

– Чего?

– Можно пафосно сказать, что вы взяли красную таблетку, сели на платформу три четверти или заглянули за занавес. Но, по правде говоря, вам очень повезло остаться в живых и вы просто увидели, что не должны были. Если б не это дело, то так бы вы и жили жизнью простого смертного. Но такое бывает. Дар есть, он дремлет, а потом в ситуации экстремального стресса проявляется.

Игнатова истерично расхохоталась.

– Дар? А-ха-ха-ха. Типа как ведунья Агафья? Ахах. Мне скоро дадут магическую палочку?

– Вам, конечно, смешно, но вообще-то у вас сегодня начинается жизнь с нуля.

– В смысле?

– Головка болит?

– Болит...

– Вы хотели узнать, что такое МПД? И почему у вас болит голова?

– Да. И сигарету с кофе.

* * *

– В каких странах есть организации, аналогичные МПД?

– В Британии и доминионах, США, Японии (со времен династии Эдо), Испании (со времен инквизиции), Франции, Германии. Это с кем у нас официально установлен контакт. Ходят слухи, что что-то есть у Израиля, Китая и шейхов. Парамилитарные организации и ордены, действующие втайне от государства, существуют также в Польше, Турции, Румынии, Ирландии и Мексике, ряде других стран.

– Какова структура МПД?

– Структура аналогична федеральным министерствам. Есть штаб-квартира в Москве. Есть региональные отделения. Московским отделением руководит Николай Борисович Филатов. В состав каждого отделения входит несколько

структурных подразделений-отделов. Например, в Московском есть отделы мониторинга, сокрытия, следствия, специальное тюремное учреждение и прочие.

– Где есть отделения МПД?

– Во всех федеральных округах, городах-миллионниках, крупных региональных центрах и важных малых городах и поселениях.

Странность первая: вода

Кстати, зачем я это пишу?

Ну, во-первых, на той неделе меня опять чуть не сожрали. Случись что со мной, останутся хоть эти записки. Конечно, никто в них не поверит, решат, что я был больной или просто обчитавшийся Лукьяненко фантазер, пишущий городское фэнтези. Ну хоть так, я хотя бы старался.

Во-вторых, а вдруг есть другие, как я? Гребаный «Ночной, мать его, дозор». Люди в черном, что ходят и подчищают. Стража, как у Пратчетта. Ну, с поправкой на российскую реальность. Приходит такой мент по делам потусторонних в «Золотую милю» на Остоженке, а там какой-нибудь энергетический вампир ему: «А я че, а я ниче, ну пососал энергию у подчиненных на работе, ну не всю же высосал? Давай договоримся?» И договариваются. Мент потом в Лондоне на Элефант-энд-Касл квартиру покупает, наш потусторонний суд не может его оттуда экстрадировать, а потом он

сам себя убивает десятью укусами в шею.

В-третьих, если такие, как я, есть, может, у меня когда-нибудь появится ученик или напарник? Вот ему и дам почитать, пригодится в плане обмена опытом.

Короче, мои записки – это смесь завещания и аутотренинга. Как и многие последние произведения великих авторов.

Так вот, вернемся к моим запискам юного натуралиста. Москва и вода. И как старательно Москва всю историю избавлялась от водоемов и рек в центре. Про Неглинку все коренные знают, течет в коллекторе прямо под центром. И как всякие урбанисты ее на поверхность вывести предлагают? Проверить бы их, на кого работают. Про Гоголевский бульвар и мои приключения там уже писал раньше, а вот что на его месте тек бурный ручей Черторый, знают немногие. Гоголь, название с чертовщиной, Василиса Изадова, все сходится. Ручей закопали. Чистые и Патриаршие пруды уполовинили до одного пруда. Я живу недалеко от «Пионерской» – там речку превратили в стоячий пруд. Бассейн на месте Храма Христа Спасителя быстренько зарыли, как только сменилась власть. Десятки мелких речушек – так же в коллекторах под землей. А замечали, как мало в Москве фонтанов? В общем, тенденция понятна. Власть всю дорогу избавлялась от воды в городе, кроме мест, где воды было не избежать. Москву-реку не зароешь, Яуза тоже раньше была стратегически важна. Вот и все, больше и нет рек, считай.

А это ж все неспроста. При Собянине набережными и пруд-

дами начали заниматься, но чуть в нашей стране случается нелегкий период – и вся дрянь скапливается у водоемов. Я почти не застал, но хорошо известно, сколько сатанистов расплодилось на Чистых прудах, в Нескучном саду и Филевском парке в девяностые. В последних двух еще и ритуальные жертвоприношения находили, трупы, маньяки бегали. Знающим Москву хорошо известно, что Чистые раньше были Погаными, а еще там место с чертовщиной в двух шагах – Меншикова башня стоит. А на Патриарших прудах у нас что? Ну конечно, дьявольская булгаковская компания, но и много раньше там хватало веселых историй, не зря второй пруд зарыли. Про Язу вообще молчу – река в самом центре, а на берегах черти что. Набережные пусты. Залезьте на холм напротив через реку от «Артплея» и полюбуйтесь местными красотами – заброшенные усадьбы, заросли, шприцы и бутылки. И это у святого вроде бы места: через дорогу монастырь.

А разгадка проста – в московской воде живет потустороннее: и в реках, и прудах, и в дожде, и даже в воде из-под крана. Я иногда гляжу на Москву-реку (хотя стараюсь не смотреть) и *вижу* русалок, подзывающих перегнувшихся через перила городских мечтателей с разбитым сердцем, вижу флюиды злых завихрений в медленных водах этой грязной реки, вижу мелкую и крупную нечисть с острыми зубами. А временами на поверхность поднимается невидимый обычному глазу кракен и стаскивает машины с набережных

в глубины. Вот вам и ответ, почему так мало водителей, оказавшихся в воде, выплывает живыми. И ответ, почему у нас везде «купаться запрещено».

Тут можно было бы развить теорию заговора, почему современные московские власти так усиленно тащат москвичей к воде. А еще можно вспомнить, как коммунисты хотели сделать Москву «портом пяти морей» и поразительное сходство ранней советской символики с древней ближневосточной, а также мавзолей-зиккурат, и мумию Ленина, и в какой он лежит позе... О-о-о, мумия Ленина. На Красную площадь я вообще ни ногой. Но об этом в другой раз.

* * *

– Ладно. Давайте еще раз проверим. Чтобы точно быть уверенными.

Николай Борисович Филатов вернулся к ней в комнату через несколько часов. В руках он держал что-то напоминающее по форме клетку для птицы, на которую была накинута черная ткань.

– Небольшой тест. Садитесь на стул.

Филатов поставил клетку на тумбочку, при соприкосновении с поверхностью оттуда что-то зашипело. Затем сел на койку, окинул взглядом Агафью.

– Готовы? Смотрите на клетку и говорите, что видите внутри.

– Готова.

Он резко сдернул черную ткань, и комнату заполнило мерзкое «ш-ш-ш».

Сначала Агафья подумала, что ей показалось. Но чем больше она вглядывалась в существо в клетке, тем больше было мыслей, что она теряет рассудок и начинала болеть голова.

Внутри клетки металось и шипело отвратительное создание. Вроде ощипанной курицы с редкими клочками серой шерсти на коже цвета протухших «ножек Буша». Из груди у «курицы» вылезал пучок склизких, похожих на червяков и постоянно шевелящихся щупалец. Небольшие крылья создания, тоже в основном лысые, венчало легкое неравномерное оперение. Бледная кожа едва покрывала бугрящийся наростами маленький череп со злобными алыми глазками и несоразмерным морде шелкающим клювом.

– Что?.. Что за?.. Что за херня? Вы тоже это видите? – она перевела взгляд на мужчину.

– И что вы видите?

Она описала.

– Прекрасно. Ну, теперь пути назад точно нет. Это стандартный тест. Так мы проверяем дар видения у неофитов. Зовем орликом. Мелкая московская нечисть, неразумная. Питается голубями, воробьями, белками, кошку может утащить. Ну что ж, поздравляю. Вы теперь сотрудник того, что простым смертным известно как ФГУП ЦНИТИ «Светопри-

боры». Добро пожаловать в институт. Да, когда видишь орлика первый раз, да и вообще нечисть, хочется слюнуть, – он кивнул болотного цвета Игнатовой. – Не стесняйтесь себя.

Уже который раз за последние дни она помчалась к унитазу.

– Буэ-э-э-э-э-э.

Агафья вытерла рот и бессильно повалилась на пол, мучаясь от мигрени.

– Головка тоже будет болеть первое время. Перестройка мозга, надо теперь обрабатывать то, что раньше не видели. Слышали, наверное, что мы на десять процентов свой мозг только используем? Бред собачий, конечно, современные ученые опровергают. Но вот несколько новых, ранее не задействованных процентиков, – он постучал по виску указательным пальцем, – у вас добавилось. После встречи с обдерихой.

– ЦНИТИ «Светоприборы»? Это как у Стругацких, что ли? – выдавила со стоном Игнатова.

– Приятно иметь дело с начитанным человеком, – кивнул Филатов.

– Ненавижу Стругацких.

Николай Борисович с ухмылкой потянул за ткань на клетке. Ее стошнило второй раз.

– Сколько и какой нечисти проживает в Москве?

– По разным оценкам – до ста тысяч. Несколько сотен разновидностей городских и ставших горожанами деревенских (типа домовят). По составу – как локальная фауна, так и осевшие здесь после заключения Пакта гастролеры. Самый распространенный и многочисленный вид – орлик.

– Кто такие первородные?

– Нейтральные сверхъестественные силы, живущие по своим законам. Происхождение и цели неизвестны. На контакт не выходят. При силовом воздействии никак не реагируют, практически неуничтожимы. Хранители городов, известных культурных и природных объектов. Ряд исследователей считает, что первородные – физическое воплощение эгрегоров стран, мест и народов, их населяющих. Несколько из них живет и в Москве.

– Кем и когда заключен Пакт?

– Николаем Первым и министром бесовских дел с Черным Кремлем в тысяча восемьсот двадцать пятом году.

– Почему целых тринадцать лет после московского пожара?

– Сначала все держалось на тайных устных договоренностях. Когда части элиты стало известно о них, произошло восстание сторонников жесткой линии, известное, как «де-

кабрьское». После его подавления Пакт был подписан официально.

– Где находится Черный Кремль?

– Неизвестно, это коллективный орган, высшее руководство МПД встречается с ними на одной из установленных площадок.

– На какие фракции подразделяют Черный Кремль?

– Нам точно известно, что существует движение западников и центристов, это самые крупные «башни Кремля». Центристы – хранители Пакта, часть из них даже стали проповедовать вегетарианство. В смысле гуманное отношение и запрет охоты на людей. Западники выступают за пересмотр положения Пакта о проживании в национальных границах и требуют свободы перемещения. Есть информация, что ряд существ проповедают идею отмены второго правила о невмешательстве в человеческие политические и социальные процессы. Часть – со злым умыслом, часть – для взаимовыгодного сосуществования. В семидесятых также было популярно движение близких к западникам утопистов-конвергентов, призывавших открыть человечеству свое существование и объединить два мира.

– Что ж. Переэкзаменовку по истории и мироустройству ты сдал. Поздравляю, Дима. Практическая часть и выход в город у тебя будет с Мечниковым, повезло. Сказал, на «Флаконе» тебя поведет.

На следующий день Агафья наконец-то перестала мучиться мигренью, блевать, с аппетитом съела завтрак, выпила кофе и выкурила сигарету из пачки, что принес ей Филатов. Он захватил и чистой уличной одежды. Борисович пообещал забрать ее через час. Заглянув в пакет, Игнатова ожидала увидеть некую форму, но это оказались просто новое белье и темные джинсы с рубашкой.

– Что с моим напарником? С Хакимовым? – спросила она вернувшегося мужчину.

Николай Борисович поджал губы и помотал с сожалением головой. Агафья знала, что так все и кончилось, но глаза защипало. Она молча достала еще одну сигарету, вытянула по самый фильтр, после чего наконец-то открыла дверь комнаты и по совместительству дверь в новую жизнь.

Они зашагали по пустынным в это время суток коридорам ФГУП ЦНИТИ «Светоприборы», как она позже узнала, одного из семи министерских объектов в Москве, маскировавшихся под разнообразные государственные образовательные учреждения, ЖКХшные объекты или околonaучные институты с непроизносимым названием. Были среди них и ГБОУ СПО «Пересвет», и ГКУ «Центр анализа ночной активности», и ЦФКиС «Паргелий».

Внутри «Светоприборы» действительно напоминали со-

ветский НИИ, получивший хороший евроремонт, но оставивший артефакты социалистического строительства вроде мозаик, прославляющих деятельность сотрудников МПД, внутренних перегородок из фибробетона и отреставрированного паркета елочкой.

Первым, кого увидела Агафья на своем новом месте работы, был абсолютно не вписывавшийся в местные пейзажи юноша с крашеными зелеными волосами и пирсингом в ухе. Он неловко протиснулся мимо них в широченном коридоре и как-то неуклюже одновременно помахал Игнатовой и той же рукой козырнул Филатову, быстро исчезнув за углом.

– Леша, наш сын полка, – пояснил Николай Борисович, – кстати, как и у тебя, дар открылся не сразу, а когда его чуть не сожрали.

– Как вообще это происходит? Как люди начинают видеть все это? Как вы набираете сотрудников?

– По-разному. Есть целые династии, там дар передается из поколения в поколение. Когда ребенок начинает говорить, становится понятно, что он видит больше, чем простые обыватели. Тогда его отдают в одно из наших образовательных учреждений и готовят с детства к службе в министерстве. Иногда мы знаем, что человек должен был перенять дар по наследству, но он дремлет. По запросу родителей мы можем устроить процедуру инициации – создать для него ситуацию смертельной опасности с участием РПО, разумных потусторонних объектов. Так никто не говорит, кстати, в нашем мос-

ковском отделении их в шутку мертвичами называют.

– У меня как раз такая ситуация получилась?

Филатов кивнул.

– Моделируем обстоятельства, близкие к утрате жизни, у человека максимально обостряются все чувства, происходит выброс адреналина, вследствие этого иногда дар просыпается. Потом есть специальная рекрутская служба, она занимается поиском потенциальных кандидатов. Например, есть какой-то человек, убедительно в интернете утверждающий, что видит паранормальщину. Они к нему выезжают с клеткой с орликом.

Агафью передернуло от воспоминания о мерзкой птице.

– Изредка кого-то находим случайно. Как Лешу или тебя.

– Мертвичи – это как москвичи, только мертвые?

– Да, но тут филологическая шутка еще. Они не мертвые, а вот наши предки-славяне думали, что вся нечисть получается из мертвецов. Это из древности, от культа предков. Потом церковь их всех просто в демоны переписала. Московские мертвичи живее всех живых.

* * *

Каждый день в МПД преподносил новые сюрпризы.

Во-первых, она снова стала курсантом и открывала для себя профессию заново. Методы, казавшиеся очевидными в мире людей, тут нередко не работали или работали с точно-

стью до наоборот, а всю базу знаний о жизни в иной, потусторонней, Москве, в отличие от многих будущих коллег, приходилось приобретать с нуля вместе с еще временами беспокоившими головными болями.

«Энциклопедию русской демонологии» ей не вернули, сказали, что информация там содержится дилетантская. Взамен этого выдали пачку новых и не очень новых книг, выносить которые за пределы «Светоприборов» строжайше запрещалось. На корешках некоторых томов значилось: «ЛенСпецПечать», иных – «РосСпецИздат», самые старые и новые материалы и пособия указания издательства и вовсе не имели.

На город и происходящие в нем события тоже пришлось взглянуть по-новому: за каждым громким открытием или фестивалем, за каждым резонансным преступлением или ЧП, теперь ей виделась тайная работа отдела сокрытия или активность мертвичей. Каждую новость хотелось изучить под лупой, разобрать на составные, разнюхать, расковырять ногтями и найти-таки второе дно. Самое ужасное, что время от времени ее подозрения подтверждались, и она старалась не думать о том, сколько же ей, должно быть, вралли о происходящем в столице и стране до дела с «Сандунами».

С ними тоже стало ясней: объяснили ей, и как завелась в банях нечисть. Обучение Игнатовой проходило не только в кабинетах, но, как и в реальной жизни, в курилке во дворе «Светоприборов».

– Понимаешь, иногда мертвичей можно как бы призвать. Вот твой шиш не просто так там завелся.

– Мой кто?

– Шиш. Рижный байник. Банник, короче, которого ты видела, добрый русский народ ему много имен придумал. Когда обычные люди начинают слишком интересоваться потусторонним, думают о нем, говорят о нем, кино страшное смотрят, музыку слушают, книги читают, они его привлекают. Никогда не было, что ужастик посмотришь, а потом дома одной немного стремно?

– Я особо такое не смотрела... Мне работы хватало.

– Неважно, короче, магии тут никакой нет, мертвичи просто чувствуют, что их поминают, ловят нотки страха. Вот и твой Водолазов обчитался про него, а писатели – порода тонкая, стал о нем думать все время, визуализировать, чтобы лучше описать в книжке своей. Еще и в бане вел себя неподобающе. Ну и доигрался. А так тебе не повезло, конечно, лучше б банник тебя потрогал.

– Не поняла?

– Агафья, ты с таким именем расстраиваешь. Традиции своей страны надо знать. Баня ж главным местом для гаданий была. Бабы, когда на жениха гадали, задирали юбки, – рассказчик развернулся к ней задом и наклонился, изображая, что поднимает подол, под хохот собравшихся подымить коллег. – И поворачивались к дверям. Лохматая рука полапает – богатый муж будет, лысая – бедный, мокрая – бухарик

достанется. Поняла? Лохматый бы потрогал, мужа богатого привел, ха-ха-ха.

Немало времени провела она и с Василием, спецом, отвечавшим за физподготовку и боевые навыки новобранцев. Вася был дылдой за два метра ростом, подвижным, практически гуттаперчевым, умел беззвучно передвигаться, но при этом обладал непонятно откуда взявшимся брюшком, которое странно смотрелось на худом и высоком теле. За такую конституцию в МПД ему дали прозвище Питон. Сам Василий о погоняле знал и, кажется, гордился им.

– Приветствую тебя в нашем Хогвартсе, подруга! – так встретил ее Питон при первом занятии, приступая к азам. – Правила в целом простые. Если ты мертвича видишь и он осязаем – ведет себя в целом в рамках законов физики, взаимодействуя с миром, пусть даже и устраивает спецэффекты типа огня из пасти или бега по стенам, то и завалить его ты можешь обычным человеческим оружием. Табуреткой бей, руками души, взрывавай, ножом коли, из пистолета стреляй, даже электрошоком некоторых брали, было дело. В общем, тут все, что душе твоей угодно. Понятно, что у них там у всех индивидуальные особенности есть, у кого шкура толстая, кто-то воды или кислоты не боится. Табельное мы тебе выдадим, усиленное нашими яйцеголовыми холодное и огнестрельное оружие у нас положено всем оперативникам. Пули со всякими металлами забавными. И значок не забывай. Значок для них посильнее оружия будет, если ты за

них взялась, значит, было нарушение Пакта и свои же могут слить. Сопrotивляться будут только самые радикалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.